

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

§ 2.1. С синхронической точки зрения фонологическая система др.-новг. диалекта раннего периода отличается от наддиалектной древнерусской довольно незначительно. Главная особенность состоит в наличии в др.-новг. диалекте лишь одной фонемы на месте двух разных фонем наддиалектного др.-р. языка — *ц* и *ч* (см. § 2.3). Еще одна важная особенность — фонологизация (причем довольно ранняя) мягких *к'*, *г'*, *х'*: в др.-новг. диалекте возможны оппозиции типа *вьръгу* 'бросаю' — *Гюрьгю*, *нога* — *мога*, невозможные в наддиалектном др.-р. языке. Прочие различия относятся в основном к сфере фонотактики; самое существенное из них то, что в др.-новг. диалекте возможны сочетания согласных [*к'*], [*г'*], [*х'*] с последующими передними гласными [*ê*], [*e*], [*и*], не встречающиеся (если не считать книжных заимствований) в наддиалектном древнерусском.

Соответственно, мы сочли возможным опустить в настоящей работе синхроническое описание др.-новг. фонологии, исходя из того, что фонологическая система наддиалектного др.-р. языка читателю известна, а отличия др.-новг. системы могут быть относительно легко выведены из предлагаемого ниже диахронического описания.

Таким образом, настоящая глава представляет собой краткий обзор основных фонетических изменений, осуществившихся в др.-новг. диалекте (в широком или в узком смысле), во-первых, в дописьменную эпоху, во-вторых, в XI–XV вв. Комментарии к перечисляемым фонетическим изменениям в большинстве случаев сведены к минимуму.

Косые скобки означают фонемную транскрипцию, квадратные — фонетическую.¹ В целях упрощения записи мы позволяем себе, однако, там, где это не грозит реальной двусмысленностью, опускать фонемные скобки и записывать фонемы просто курсивом (например: *вл'* > *л'*).

Древнерусские словоформы, в т. ч. реконструированные, даются кириллицей. При записи отдельных фонем (или их сочетаний) и формул перехода в разделе о дописьменной эпохе используется латиница, в разделе о письменной эпохе — кириллица.

Если словоформа приводится без ссылки на конкретный источник, она дается в нормализованном виде (раннедревнерусском). Разумеется, нормализация касается только графики; диалектных особенностей (фонетических и любых других) она не затрагивает. При цитировании с указанием источника пример приводится в подлинной записи.

¹ Символы фонем или звуков в этом случае даются прямым шрифтом. Это позволяет отличить, например, [*м*] (фонетическая транскрипция) от [*м*] (неоднозначно читаемая буква в тексте, см. § 0.5).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДОПИСЬМЕННОЙ ЭПОХИ

§ 2.2. Ниже перечисляются древнейшие особенности (как инновации, так и архаизмы), отличающие древненовгородский диалект (в широком или в узком смысле) от других древних славянских диалектов (хотя бы некоторых).

Точкой отсчета служит поздний праславянский. Порядок перечисления инноваций — не хронологический.

ЯВЛЕНИЯ, ОБЩИЕ У ДРЕВНЕНОВГОРОДСКОГО ПУЧКА ДИАЛЕКТОВ С ОСТАЛЬНЫМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИМИ ДИАЛЕКТАМИ

1. $*\varphi > u$, $*\epsilon > \ddot{a}$.
2. $*\dot{\epsilon} > \dot{e}$ (в окончаниях склонения).
3. Переход начального $*(j)e$ в o в ограниченной группе слов (*осень, озеро, одинъ* и др.).
4. $*pj$, $*bj$, $*vj$, $*mj > pl'$, bl' , vl' , ml' .
5. $*TelT$, $*TьlT > *TolT$, $*TьlT$ (кроме случая, когда перед $*el$, $*ьl$ стояли шипящие, возникшие в силу первой палатализации из $*k$, $*g$, $*x$).
6. Переход начального $*orT$, $*olT$ в roT , loT или в raT , laT в зависимости от интонации.

Из этих явлений специфически восточнославянским можно считать только переход $*TelT > *TolT$ (в пункте 5). Все прочие известны и за пределами восточнославянской зоны (это верно, вопреки распространенному мнению, также и для пункта 3; см. в особенности Андерсен 1996).

О развитии сочетаний типа $*TorT$ (т. е. формировании полногласия) см. § 2.5.

ЯВЛЕНИЯ, ОТЛИЧАЮЩИЕ ВЕСЬ ДРЕВНЕНОВГОРОДСКИЙ ПУЧОК ДИАЛЕКТОВ ОТ ЮЖНОРУССКОГО ДИАЛЕКТА

Цоканье

§ 2.3. Во всей др.-новг. зоне произошло совпадение в единой фонеме (которую можно условно обозначить как c'' [в кириллице — $ц''$]) продуктов первой регрессивной и прогрессивной палатализации для $*k$ и рефлекса сочетания $*kj$ (в вост.-новг. говорах — также продукта второй регрессивной палатализации для $*k$ и рефлекса сочетаний $*tj$ и $*kt'$). Примеры: $ц''исто$, $пътиц''а$, $скац''еши$, в вост.-новг. говорах также $ц''ѣль$, $хоц''еши$, $пец''и$, $пец''ь$.

В южнорусском диалекте (и в наддиалектном древнерусском) этому c'' соответствуют две фонемы: $\check{c}$ и c . Примеры: *чисто, скачеша, печи, печь – пътица, цѣль*.

Взрывное [g]

§ 2.4. Во всей др.-новг. зоне сохраняется исконное взрывное [g] — как и на северо-востоке неновгородской части вост.-слав. зоны. Ср. фрикативное [ɣ] на юге.

ЯВЛЕНИЕ СО СЛОЖНЫМ ДИАЛЕКТНЫМ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ

Развитие сочетаний типа $*TorT$

§ 2.5. Традиционная формула так наз. полногласия: $*TorT > ToroT$ ($*TolT > ToloT$, $*TerT > TereT$, $*TelT$ [не перешедшее в $*TolT$] $> TeloT$) — слишком упрощен-

но отображает реальную ситуацию в вост.-слав. зоне. В действительности эта формула непосредственно верна лишь для новгородской части будущей великорусской зоны и для восточноновгородских говоров. Для будущей украинско-белорусской зоны следует реконструировать рефлексы не типа *ToroT*, а типа *Tor^oT* или *Tor^oT*, где вторая гласная фонологически не тождественна первой (см. об этом Гард 1974, Зализняк 1985, § 3.3). Сходную особенность можно предполагать и для какой-то части говоров кривичского ареала; об этом говорят диалектные *балъня*, *балыня* 'болотистое место' из **bolnъje*, которые указывают на вставную гласную типа ъ, а не о (см. Николаев 1988: 123–124). К рефлексу типа *Tor^oT*, вероятно, восходят также сочетания *оры*, *олы* в группе северновеликорусских диалектных слов: *пóльмя* (известно не только в северных говорах), *гóльмя* 'открытое море' (арханг., наряду с *гóлómя*), *шóльмя* 'пригорок, холм' (арханг., наряду с *шóломя*), см. Шахматов 1915, § 260; также *скорыню* 'щеку' в одном из списков Жития Андрея Юродивого (см. там же).

§ 2.6. Особый вопрос состоит в том, не существовали ли в новгородской зоне также и такие говоры, где **TorT* давало **TroT* — как в польском языке (аналогично и **TolT*, **TerT*).

В берестяных грамотах встретились примеры: *2 сročька* 'два сорочка' (2×), *срочкѣ* (Р. мн.) 336 (XII₁), *срочеке* (И. ед.) Торж. 3 (XII/XIII), *погородь(е)* 'погородье' 718 (XIII₁).² Но сами по себе эти примеры еще мало о чем говорят: уже давно замечено, что в др.-р. источниках иногда встречаются написания с *ро*, *ло* вместо *оро*, *оло*, например: *злотыникъ*, *тлоци* в Юрьевском ев., *злото* на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г., *на забролѣхъ*, *въ замрозъ* в Ипат., *совлокуться* в Лавр. и т. п. (см. собрание примеров в Шахматов 1915, § 249; некоторые дополнительные примеры отмечены также в Колесов 1980: 73, Крысько 1998: 84, 2003: 345). Для примеров такого рода из западнорусских источников обычно предполагается польское влияние. В прочих случаях такие написания чаще всего интерпретируются как результат контаминации русского *оро*, *оло* с ц.-сл. *ра*, *ла* (точнее, ошибочной славянизации русского слова по модели *берегъ* – *брегъ*). Это объяснение — самое вероятное для случаев типа *тлоци* (ср. др.-р. *толочи*, ц.-сл. *тлѣци*); но покрывает ли оно все вообще написания такого рода, заранее не известно.

Представляют также некоторый интерес написания с *ъро*, *ъло* (в памятниках, где нет графического смещения ъ и о), например, *Вълось* Варл. (XII/XIII), *в[ъ]лости* 503 (XII), *вълости* 307 (XV). Такие написания в принципе могут служить для своего рода графической маскировки полногласия; но нельзя исключать и того, что в каких-то случаях за ними стоят звуковые сочетания типа [эло].

Необходимо учитывать, что имеется значительное число диалектных слов с *ро*, *ло*, *ре* на месте сочетаний типа **TorT*. Правда, во многих из них можно предполагать просто позднее выпадение гласной. Это в особенности относится к случаям, где отсутствующая ныне гласная должна была находиться в заударном или во втором предударном (неначальном) слоге, например (здесь и далее примеры даются, если не оговорено иное, по СРНГ): *на̀влок* 'наволо́к', *на̀vloка* 'наволо́чка', *о̀блонь* 'обо́лонь', *за̀блока* 'запо́нка', *о̀мрок* 'о́бморок', *облока́ться* 'одеваться' (и *обло́чѣсь*

² Едва ли сюда относится *жрьбѣ* 222 (а также *попрѣдьно* 638, если это слово правильно вычленено из текста): скорее это церковнославянизмы. Заведомыми церковнославянизмами являются *чьстьное дрѣво* 246, *маслаца дрѣваго* 173, *прѣдь* Бѣмо 317.

‘одеться’), *оглову́шить*, *огломья́* ‘давно’ (вариант к *оголо́мья*), *огломья́* ‘обморок’ (вариант к *оголо́мья*), *оглода́ть* ‘изголодаться’ и т. п. Но остаются всё же и другие примеры, в частности: *блонь*, *блони́е* ‘низкое место’ и т. д. Смол., Зап. (ср. *бблони́е*, *болони́е*), *облони́е* (тот же круг значений) Смол., Калуж., Зап., Пск. (ср. *оболони́е*) и другие производные от *облон-*; *брезни́ец* ‘береза’ Камч.; *бродни́к* ‘род мотыги’ Симб. (ср. *бродни́к* ‘то же’ Орл.); *злотавка́* ‘рыба голянь’ Твер. (ср. *золотавка́* ‘то же’ Твер.), *злотни́й* Арх., *злоту́ха* ‘ягода черемухи’ Яросл.; *крони́ться* ‘прятаться, хорониться’ (фолькл.) Арх., *крони́чки* ‘игра в прятки’ Калинин.; *млоди́й* Зап.-Брян. (ср. *млодому* в онежских былинах, см. Шахматов 1915, § 249); *млочная трава* Олон.; *отрѣб* Олон., *отрѣби* Новосиб., *отрѣбье* Олон., Кемер., *отрѣбок* (*отрѣбок*) Забайкал. — в значениях, связанных с *отереби́ть* (ср. *отерѣбок*, *отеребень* и др.); *захлѣпина боярская* ‘холлоп’ (фолькл.) Север. Как можно видеть, здесь представлены западные, северные и сибирские слова; если западные слова в принципе можно как-то связывать с польским влиянием, то для остальных это нереально (слово *млочный* вдобавок и не совпадает с польским *mleczny*).

Весьма интересны с данной точки зрения многие топонимы, зафиксированные в НПК, в частности: *Строби* (II, 44), в другом месте (II, 52) про эту же деревню сказано *въ Осторобѣхъ*, в XIX в. она называлась *Староби* (см. Андрияшев 1914: 31); *Бродкино* (III, 523; VI, 854), *Бродкина* (III, 832), ср. *Бородкино* (много раз) и другие с *Бород-*; *Дрогины* (V, 598), ср. *Дорогиново* (III, 146) и много других с *Дорог-*; *Клодовице* (V, 320), ср. *Колодовице* (I, 312) и много других с *Колод-*; *Скроботово* (I, 319; II, 442), ср. *Скороботово* (VI, 861); *Требехъ* (V, 270), *Требиха* (V, 620), *Требутици* (IV, 176, 177), ср. *Теребеха* (V, 590), *Теребутикъ* (III, 158) и много других с *Тереб-*; *Теремово* (VI, 1005, 1044), ср. *Теремово* (IV, 330), *Теремецъ* (III, 483); *Хлопово* (V, 371), *Хлопово* (I, 43), ср. *Холопово* (VI, 1010), *Холопиха* (VI, 235).

Учитывая всю совокупность приведенных фактов, следует признать по меньшей мере весьма вероятным существование на новгородской территории говоров с рефлексамии типа *TroT* (возможно, в качестве факультативного варианта к *ToroT*). Соответственно, запись в берестяных грамотах № 336 и 718 (и даже в какой-то части примеров с *ро*, *ло* из прочих памятников) может и не быть условной.

ЯВЛЕНИЯ, ОТЛИЧАЮЩИЕ ДРЕВНИЙ НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКИЙ ДИАЛЕКТ ОТ ОСТАЛЬНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ

§ 2.7. Ниже во всех пунктах, где не оговорено иное: а) древненовгородский диалект в узком смысле совпадает с древнепсковским диалектом; б) восточноновгородские говоры, как можно предполагать, совпадают — с точностью до цоканья — с наддиалектным древнерусским.

Отсутствие эффекта второй регрессивной палатализации

Рассматривая славянские палатализации, следует прежде всего отметить, что в славистике нет единства ни в вопросе об их наименованиях, ни даже в вопросе об их числе. В университетском преподавании (по крайней мере в России) господствует схема с номерными обозначениями: первая палатализация (как в *мочити* от **ток-*), вторая (как в *цѣль* из **кѣль*) и третья (как в *отць* из **отькъ*). Номера здесь в принципе могли бы рассматриваться просто как пункты в перечислении наблюдае-

мых эффектов. Но обычно они понимаются в более глубоком смысле — как отражение относительной хронологии соответствующих фонетических изменений. Соответственно, дискуссия о том, действительно ли вторая палатализация произошла раньше третьей, может пониматься также как выяснение того, не должна ли вторая палатализация именоваться третьей и наоборот. Особенно важно то, что в дискуссии о соотношении второй и третьей палатализаций существует также концепция, согласно которой эти два явления представляют собой не два самостоятельных разновременных фонетических процесса, а лишь две стороны одного и того же процесса.

Мы считаем возможным, несмотря на эти сложности, в основном сохранить привычную номенклатуру (с небольшим отступлением от нее только в третьем звене), оговорив, однако, некоторые элементы условности в ее применении. Мы будем обозначать эти три явления так: первая регрессивная палатализация, вторая регрессивная палатализация, прогрессивная палатализация (слово “регрессивная” может быть опущено). Сохранение слов “первая” и “вторая” соответствует тому факту, что в этой части относительная хронология событий не вызывает сомнений. В то же время спорный вопрос о единстве или раздельности процессов, давших эффект второй регрессивной палатализации и эффект прогрессивной палатализации (равно как об относительной хронологии этих процессов, если они были раздельны), такой терминологией не предрешается.

Важнейшая особенность древнего новг.-пск. диалекта состоит в том, что в нем отсутствует эффект второй регрессивной палатализации заднеязычных; точнее, *k, *g, *x в позиции перед *ě* и *i* здесь лишь смягчены (т. е. дали [kʲ], [gʲ], [xʲ]), но не перешли в свистящие. Этот тезис впервые выдвинут (на основании современного диалектного материала) С. М. Глускиной (1966, 1968). Его обоснование применительно к др.-новг. материалу см. в Лингв., § 25–32; дополнительный материал содержится в Изуч. яз., § 3. Отметим обсуждение данной проблемы в Вермеер 1986. См. также Николаев 1988 (с. 141–152), 1990 (табл. 3) об особенностях осуществления второй регрессивной палатализации в различных вост.-слав. диалектах.

Примеры, иллюстрирующие данное явление. В корнях: *кѣле* ‘цел’, *хѣрь* ‘серь’, ‘серое (некрашеное) сукно’, *кѣркы* ‘церковь’; в современных северо-западных русских говорах *кеп* ‘цеп’, *кепы* ‘нитяные петли в ткацком станке’ и т. п., *кевь*, *кѣвка* ‘цевка’, ‘катушка’³, *кедѣть* ‘цедить’, *кѣлѣть* ‘дразнить, сердить’ и т. п. и производные от них; топонимы *Хѣдово*, *Хѣрово* и т. п.⁴ На стыке основы и окончания: *a*-склонение

³ Вопрос о том, заимствовано ли эстонское *kääv* (Р. ед. *käävi*) ‘цевка’, ‘катушка’, как и финск. *käämi* ‘то же’, из новг.-пск. *кѣвь*, является дискуссионным (ср. Фасмер, IV: 294–295). Поэтому эст. слово еще не служит прямым доказательством того, что праслав. *kě могло сохраняться в новг.-пск. Но следует учитывать, что попытки найти для эст. слова финно-угорскую этимологию продиктованы в основном верой в то, что *кѣ* в др.-р. невозможно. Теперь, когда эта вера опровергнута др.-р. материалом, точнейшее совпадение новг.-пск. *кѣвь* и эст. *kääv* как по форме, так и по значению уже предельно трудно считать чудесной случайностью (а заимствование в обратном направлении полностью исключено).

⁴ В связи с подобными топонимами укажем, в дополнение к прежним комментариям, следующий примечательный факт: в НПК, V: 684 под названием *Херково* (*e = <ѣ>*) выступает та же самая деревня, которая в другой писцовой книге (НПК, IV: 169) названа *Сѣрково*; см. Андрияшев 1914: 424. Тем самым этимология слова в данном случае устанавливается не менее надежно, чем для имен нарицательных.

— Д. М. ед. *къ тетѣкъ, на Лугѣ, въ Тихѣм(а)ѣѣ*; И. В. дв. *блѣстѣкъ*; о-склонение — М. ед. *на отрокѣ, по великѣ дѣни*, И. мн. *отроки, вежѣники, сапоги, многи*, М. мн. *въ торокѣхъ*; различные формы адъективного склонения — *въ другѣи, въ другѣмъ*, И. мн. муж. *други*; различные формы местоименного склонения — *въхѣ, въхѣмъ*; императив — *лаги, реки, моги, испеки, пристриги, можете, сѣките*; см. также § 5.13 о наречиях типа *дорозѣ*. Такая же ситуация и в формах, где окончание *-ѣ* не первично: Р. ед. *отъ Нѣжскѣ, у Лодыгѣ*, И. В. мн. жен. *звѣздѣкъ*, В. мн. муж. *кѣльтѣкъ*, И. мн. муж. *золотѣникѣ* и т. д.

Особо отметим важную работу Вермеер 2003, где показано, что у др.-новг. слова *хѣрь* ‘серое сукно’ имеется точное др.-чеш. соответствие: *šěř* (позднее *šerš*) ‘серое сукно’, ‘сермяга’, ‘жалкая одежда’. Тем самым производность др.-новг. *хѣрь* от праслав. **хѣр-* ‘серый’ получила решающее подтверждение.⁵

Из выдвигавшихся против тезиса С. М. Глускиной возражений (в частности, в Бьёрнфлатен 1983, 1988, 1990, также в Шустер-Шевц 1993) основное сводится к тому, что [к] в *кѣл-* ‘цел’ и т. п. есть не архаизм, а результат “эволюционного зигзага” *кѣ > џѣ > кѣ*, где последнее звено — это диалектный северозападнорусский переход [ц’] в [к’]. Но этот гипотетический диалектный переход должен был осуществиться: а) раньше написания берестяной грамоты XI века № 247, где мы уже находим *кѣле*; б) раньше совпадения *џ* и *ч* (т. е. до возникновения цоканья), поскольку в начале корня он отмечается только у корней с *џ (*џѣл-, џѣд-, џѣн-* и т. д.), но никогда не у корней с *ч (*чѣрв-, чѣлн-, чѣрп-* и т. д.); между тем цоканье отражается в новго-

⁵ А. Б. Страхов (1994б: 298) пытается истолковать *хѣрь* как заимствование из ср.-ниж.-нем. *gêre, gere, gir* ‘клиновидный кусок ткани’. Но эта версия совершенно беспомощна. Она не может объяснить: 1) откуда в др.-р. слове *х* (при заимствовании из ср.-ниж.-нем. должно было бы быть [j] или *z*); 2) откуда *ѣ* (в относительно поздних заимствованиях *ѣ* не бывает почти никогда); 3) откуда склонение по типу *i-femīnina* (германские заимствования на *-рь* — *якорь, ларь, штырь, пансырь* и т. д. — склоняются по типу *jo-masculīna*). Не говорим уже о существенной разнице значений германского и др.-р. слова, которая не идет ни в какое сравнение с логичностью вхождения слова *хѣрь* в семантический (и морфологический) ряд *чермень, зелень, аль* и т. п. и далее *ветошь, рвань, ткань*. Но, конечно, после работы В. Вермеера все эти аргументы уже можно даже и не приводить.

Здесь следует заметить, впрочем, что страховская критика вообще носит весьма специфический характер, из-за которого ее трудно отнести к жанру научной дискуссии. С болезненной страстью А. Б. Страхов стремится представить как злонамеренную чушь решительно все новое, что стало известно о древнем новгородско-псковском диалекте за последние десятилетия, а соответствующих авторов он, не затрудняя себя узами этики, изображает как невежд и проходимцев. Если верить А. Б. Страхову, такого диалекта, попросту говоря, и не было. Потребность “разнести в клочья” у него так остра, что аргументы и контргипотезы для этого годятся какие попало — от сколько-нибудь правдоподобных до откровенно нелепых; главный же инструмент воздействия на читателя — тон безмерного превосходства. Особенно гротескны те пассажи, где в том же тоне мэтра автор преподносит читателю элементарные ляпсусы, скажем, когда он поучает нас, что относить императивы *сыпль* и *ужмли* к глаголам *сыпати* и *ужмати* — это “грубая ошибка”, а следует их относить к изобретенным им чудовищным *сыплѣти* и *ужмѣти* (1993: 197); или что в др.-р. могло существовать “словосочетание Д. ед. *одину разу” (1999а: 298; это при том, что *одинъ* принадлежит к местоименному склонению); или что гипотетическое *прасѣдка может превратиться в *прасѣдка* только если исходное бессуфиксальное *прасѣда сперва превратится в *прасѣда* (2001а: 242; это равносильно тому, что, например, *пользно* может превратиться в *полезно* только если *польза* превратится в *полеза*). Вообще лингвистика не принадлежит к числу сильных сторон данного автора, и мы считаем излишним разбирать всерьез каждое из его возражений по собственно лингвистическим вопросам. Безусловно полезнее для новгородоведения его разыскания в области интерпретации конкретных текстов. Хотя и здесь страсть ниспровержения часто толкает автора к нелепостям, но есть и удачные новые решения, которые мы, разумеется, учитываем.

родской письменности с самого начала письменной традиции. Иначе говоря, его пришлось бы отнести по времени к позднепраславянской эпохе. Тем самым с диалектным смещением [к'] и [т'] (типа *тисльий, рѹти* или, наоборот, *кѣсто*) он полностью хронологически разобщен: *тисльий, рѹти* могли возникнуть из *кыслый, рукы* не раньше перехода *кы* в *ки* (в Новгороде это XIV в.). Все это значит, что “эволюционный зигзаг” *кѣ > ѹѣ > кѣ* (с типологической точки зрения неизмеримо менее вероятный, чем простое сохранение древнего состояния), якобы осуществившийся в позднепраславянскую эпоху в прановгородско-псковской зоне, не имеет никакого иного оправдания, кроме стремления спасти традиционный постулат о праславянском характере второй регрессивной палатализации. Подробнее см. Зализняк 1991а: 218–228.⁶

В наддиалектном древнерусском эффект второй регрессивной палатализации вполне регулярен: *ѹѣль, ѹѣдити, сѣрь, сѣдъ, на руѹѣ, на нозѣ, къ сосѣ, дѣвѣ рѣѹѣ, дружи, мози, сѣѹѣте* и т. п.

В вост.-новг. зоне вторая палатализация тоже осуществилась, но, по-видимому, очень рано началось выравнивание основы, которое вело к постепенному устранению данного эффекта на стыке основы и окончания (см. об этом Изуч. яз., § 3 и 26). К рассмотренному там материалу, по-видимому, можно присоединить надпись на деревянном цилиндре XII в., найденном в 1991 г.: (ѹ)[ѣ] *Пинезѣ 3 тысяче* ‘на Пинеге 3 тысячи’ (подробнее см. А 26, цилиндр № 11).

Отсутствие эффекта второй палатализации отличает древний новг.-пск. диалект не только от остальных восточнославянских, но и от всех прочих славянских вообще.

В новгородских берестяных грамотах отсутствие эффекта второй палатализации является нормой — в отличие от новгородской книжной письменности, где в данном пункте соблюдаются, хотя и с нарушениями, нормы наддиалектного др.-р. языка. В берестяных грамотах словоформы с эффектом второй палатализации встречаются почти исключительно в формулах (или терминах) церковного или официального характера: *Господи помози, на Бозѣ, въ Бозѣ, ѹѣлюю та* (и вообще глагол *ѹѣловати*), *ѹѣльвь, а на то радѹци и послуци*, слово *ѹѣркы* (и его производные), словоформа *владѹѣѣ*. Сверх этого встретилось только *ѹцелель* 710 (XII) (в грамоте, написанной в книжном стиле, возможно, профессиональным писцом) и два поздних (XIV₂) примера: *ѹѣна* 532, В. мн. *сапозѣ* 4 (слово *ѹѣна* было, по-видимому, чуждо диалектной печи; о книжном происхождении словоформы *сапозѣ* см. Попр.-IX, № 4).

⁶ В Ле Февр 1998 сделана еще одна попытка обойтись без гипотезы Глускиной, а именно, предлагается следующая конструкция. Др.-новг. *кѣле* ‘цель’ — замена прежнего *ѹѣл-* под влиянием незасвидетельствованного **кѣлити*, которое само является заменой для более раннего *ѹѣлити* под влиянием незасвидетельствованного приставочного **искѣлити*, где *к* исконно (поскольку, по мнению автора, *ск* нигде в вост.-слав. зоне палатализации не подвергалось). Корни *кѣв-*, *кѣд-*, *кѣп-* возникли из **скѣв-*, **скѣд-*, **скѣп-* (где *к* сохранилось по той же причине) в силу поздней “утраты подвижного *s*”. *Хѣрь* — заимствование из германского (ср. сноску 5). Все результаты 2-й палатализации в словоизменении уже к XI веку уничтожила аналогия. Увы, эта конструкция представляет собой целую пирамиду маловероятных (а частью и совершенно беспрецедентных) событий, нагроможденных друг на друга. Предполагаемая история корней предельно неправдоподобна. И остается решительно необъяснимым, почему весь этот шквал никак не связанных между собой причин, призванных полностью стереть всякую память о 2-й палатализации, обрушился только на Новгород, если исходная фонетическая ситуация была во всей вост.-слав. зоне одинакова.

Как известно, прогрессивная ассимиляция дает в славянских языках те же самые фонетические результаты, что вторая регрессивная. Единственный славянский диалект, где эти результаты расходятся, — это древний новгородско-псковский: здесь прогрессивная ассимиляция для **k* дает *ц*” (см. § 2.9), а вторая регрессивная не осуществляется (т. е. сохраняется *к*). Понятно, что это серьезнейшая помеха для концепции единства прогрессивной и второй регрессивной палатализаций.

В. Вермеер, являющийся активным защитником данной концепции, выдвинул новую оригинальную гипотезу, которая призвана устранить указанную помеху. Согласно этой гипотезе (Вермеер 2000), особенность новг.-пск. диалектной зоны состоит в том, что процесс монофтонгизации дифтонгов достиг этой периферийной зоны, в отличие от других частей славянского мира, не раньше, а позже, чем процесс указанной единой “регрессивно-прогрессивной” палатализации; соответственно, для регрессивного компонента этого процесса здесь просто не оказалось необходимых условий (например, корень слова ‘целый’ во время действия данного процесса здесь еще имел вид **kail-*, а не *кѣл-*; вид *кѣл-* он получил лишь позднее). Гипотеза представляет собой одну из возможных попыток — весьма интересную, хотя и сталкивающуюся с немалыми трудностями, — конкретизировать ход доисторических фонетических изменений, приведший к столь заметному обособлению новг.-пск. зоны внутри славянского мира.

Сохранение **kv*, **gv*, **xv* перед передними гласными

§ 2.8. В древнем новг.-пск. диалекте отсутствует также эффект палатализации в сочетаниях **kv*, **gv* (вероятно, также **xv*) в позиции перед *ѣ*, *i*, *ь*, например: *кѣтъ* ‘цвет’, *кѣлти* ‘дразнить, сердить’, *гѣзда* ‘звезда’, *гѣрста* (*гѣрзда*) ‘дресва’; ср. такое же положение в зап.-слав. языках. См. Лингв., § 25–26 о примере [ʒ]ѣѣдъкѣ Ст. Р. 8 (ХП₁) и о следах слова *гѣзда* в псковских и прионежских говорах, а также Николаев 1988, карта 4 (распространение основы *кѣт-*). К собранному в этих работах материалу можно добавить еще одно свидетельство: в Холмском уезде в начале XX в. существовала деревня *Гвездено* на реке *Гвезденке* (в 8 км к северо-западу от озера Полисто); в НПК эта же деревня записана как *Гнѣдино* (IV, 264) и как *Гнѣдина* (V, 360); см. Андрияшев 1914: 290. Названия деревни и реки явно произведены от *гѣзда*, а запись в НПК — не что иное, как народная этимология, переосмыслившая ставшее непонятным название (суффикс *-ин-* выдает здесь неисконность части *гнѣд-*: соответствующее производное от *гнѣдо* имело бы вид *Гнѣдово*, ср. § 5.1).

В наддиалектном др.-р. языке в этих случаях выступают *ц*, *з*, *с* (т. е. такие же рефлексy, как в южнославянских языках), например, *цѣтъ*, *цѣлти*, *зѣзда*. Такое же положение в вост.-новг. зоне; из относительно ранних письменных свидетельств не книжного характера здесь можно отметить *промѣсю землями Зѣвѣдиною и Фефилвою землею* (ГВНП, № 169, Двина, сер. XV).

Вопрос о прогрессивной палатализации

§ 2.9. По отношению к прогрессивной палатализации (так наз. третьей) фонемы **k*, **g* и **x* ведут себя в др.-новг. диалекте по-разному.

Фонема *x* не обнаруживает в др.-новг. диалекте эффекта прогрессивной палатализации. Практически это выражается в том, что слово ‘весь’ сохранило здесь основу *въх-* во всей парадигме. В Бьёрнфлатен 1983, 1988, 1990 (позднее также в Шустер-

Шевц 1993) предлагалась трактовка *въх-* как инновации, а не архаизма, а именно, как результата диалектного перехода *с* в *х* в прежнем *вьсь*. Но если бы это было так, возникли бы словоформы **въхе* 'всё', **въхего* 'всего', **въхеѣ* 'всей' (Р. ед.), **въхеи* 'всей' (Д. ед.) и т. д. (сочетание *хе* в др.-новг. диалекте было возможно, ср. *въхе* 'весь'). В действительности же во всех словоформах этого слова в др.-новг. диалекте выступают твердые окончания (*-о*, *-ого*, *-оѣ*, *-ои* и т. д., см. ниже) — как в раннем праславянском. Добавим к этому, что переход *с* в *х* хорошо засвидетельствован в псковских говорах, но почти отсутствует в новгородских (тогда как материал по основе *въх-* — как раз новгородский). Подробнее см. Зализняк 1991а: 230–232.⁷

Имеющийся ныне материал берестяных грамот (с дополнениями из других источников) таков. XII: *в[ѣ]хоу* 736а, *въхо* 893, 818, *в[ѣ]охо* (*въхо*) 944, *отъ въхоѣ* 850, *въ въхъ* 806, *къ въхемо* (<ѣмъ) 87, *вохе* (*въхѣ*) 670; также подскобленное *вхоу* в стихираре 1157–64 гг., отмеченное В. В. Колесовым (см. Мещерский 1969: 93), и *овхо* 'совсем, полностью' в одном из списков "Вопрошания Кирикова" (Смирнов 1912: 267), обнаруженное А. А. Гиппиусом. Конец XII – нач. XIII: *вохе* (= *въхѣ* или *въхе*) 437, *вохо* (*въхо*) 439; также *вхоу* Варл., *вхе поль* (с подскобленным *х*) в Синод. НПЛ [1217]. XIII: *вохъ* (*въхе*) 351, *вохо* 390, *вхого* 211. XIV: *ѡ хого* 463, *[ѡ] в[ѣ]хо*... 184, *вохо* 100, *вохи* 497, *со вхим[и]* 492, *на вхыхъ* 359. XV: *въхъ* (В. ед.) 297 (?); также *вохъ* (В. ед.) в пергаменной грамоте 1412 г. (Д 40). Кроме того, известен топоним *Вховезъ* (производное от имени **Вховѣдъ*) — деревня в Дубровенском погосте Шелонской пятины, близ границы с Псковской землей (НПК, V: 671); эта же самая деревня в НПК, IV: 197 названа *Всевижъ* (*и < ѣ*) (Андрияшев 1914: 431), тем самым этимология здесь вполне надежна.

Основа *в(ѣ)с'*-, свойственная наддиалектному древнерусскому, в ранне-др.-р. период встретилась на бересте только: а) в церковных грамотах № 906 и 914 (в формуле *вьсѣхъ сватыхъ*) и в монашеской эпистоле № 605 (в слове *вьсѣгда*); б) в грамотах официального или полуофициального характера № 831 (*надо вьсѣмъ* и *ото вьсѣхо*) и 870 (*отъ вьсѣхъ*), где авторы явно стремились соблюсти наддиалектные нормы. Самая ранняя собственно бытовая берестяная грамота, содержащая основу *в(ѣ)с'*-, относится к 3 четв. XIII в. (*о вьсмо* 61). В берестяных грамотах XIV–XV вв. основа *в(ѣ)с'*- уже преобладает над *в(ѣ)х-*. Таким образом, в живом др.-новг. диалекте раннего периода, по-видимому, полностью господствовала основа *въх-*.

Из системных соображений можно предполагать, что данная особенность связана с западными говорами; ср. также выше о географическом положении деревни *Вховезъ*. Но прямых подтверждений этого (в виде примеров основы *в(ѣ)х-* в псковских источниках) пока не обнаружено.

Для фонемы **g* материал по прогрессивной палатализации весьма ограничен и истолковывается неоднозначно. В берестяных грамотах ныне имеются примеры *не лего* (*не льго*) 'не позволено', 'нельзя' 855 (XII), *[л]ега ми е* 'мне можно' 815 (XII; пример не вполне надежен), ср. в НПЛ [1128] *нелга* 'нельзя', у Фенне *nilga* 368, 374, *nilgo* 434; кроме того, *колобагъ* 'колбяги' 222 (нач. XIII).

Последнее слово входит в ряд заимствований из древнескандинавского, воспринятых несомненно в первую очередь новг.-пск. диалектом: *варагъ*, *къл(ѣ)багъ*, **бу-*

⁷ Следует отметить, что у местоимения **въх-* в праславянском имелся омоним **въх-* 'ядовитое растение', 'цикута', рефлекс которого (в частности, рус. диал. *вѣх*, зап.-укр. *весь*, морав. *veš*) в значительной мере сходны с рефлексами местоимения (Минлос 20016).

рагъ (см. Фасмер, статья *Буряги*), также *стагъ*. Во всех этих случаях эффект прогрессивной палатализации отсутствует. Нет его и в этнонимах *фрагъ* и *итвагъ*, которые могли быть заимствованы как северными, так и южными диалектами.

Этим словам противостоит слово *къназь*, хорошо представленное во всех источниках, в т. ч. и в новгородских берестяных грамотах. Это более древнее заимствование из германского. Характер слова таков, что оно вполне могло использоваться на всей территории Руси в наддиалектной форме. Следует отметить, впрочем, что в ранних грамотах это слово иногда встречается в написаниях, предполагающих твердое *з*: *къназоу* 745, Город. 1, *къ кназоу* 872 (ср. также странное *къназы* 851, где грамматическая форма неизвестна). Возможно, *къназоу* — это просто книжная орфограмма (восходящая к старославянскому); ср. *къназоу* (2х) в записи Остромирова ев. Но для берестяных грамот следует также считаться с возможностью того, что перед нами результат не вполне точного усвоения чуждого диалекту слова.

Из прочих слов в берестяных грамотах встретилось *оусерази* 'серьги' 429 (XII).

Таким образом, имеющиеся данные в принципе не исключают предположения о том, что в др.-новг. диалекте эффекта прогрессивной палатализации для **g* не было, а наблюдаемые отклонения представляют собой заимствования из наддиалектного древнерусского.

В отличие от **x* и **g*, для **k* эффект прогрессивной палатализации в др.-новг. диалекте несомненно был: он совершенно последовательно представлен в берестяных грамотах всех периодов. Мы находим здесь, начиная с самых древних грамот, например, *въверицѣ*, *отъць*, *сужьдальць*, *зядьница*, *грамотица*, *мѣсаць* и т. п. (разумеется, написание с *ц* здесь условно: реально встречается запись как с *ц*, так и с *ч*). Имеющиеся случаи колебания между *ц* и *к* (например, *сорочьць* и *сорочькъ*) явно морфологизованы (т. е. это уже колебания в выборе суффикса). Таким образом, в этом пункте др.-новг. диалект не отличается от других славянских.

Таково фактическое положение в др.-новг. диалекте. Как его объяснить — это уже предмет гипотез. Наиболее прямолинейная гипотеза состоит в том, что прогрессивная палатализация: а) предшествовала второй регрессивной, б) реализовалась в новг.-пск. диалекте лишь в ограниченном объеме (для **k*, но не для **x* и **g*). В. Вермееру в рамках его гипотезы (см. § 2.7) не требуется допущение «а», но приходится предполагать, что эффект прогрессивной палатализации для **x* и **g* (или по крайней мере для **g*) первоначально имелся, но в дальнейшем был тем или иным способом устранен.

**tj, *dj, *sj, *zj*

§ 2.10. Следует различать **tj, *dj, *sj, *zj* в общем случае и **tj, *dj* в положении после свистящих (т. е. в составе сочетания **stj, *zdj*).

В общем случае в наддиалектном древнерусском **tj, *dj, *sj, *zj* дали *č, ž, š, ž*, в вост.-новг. говорах — *c', ž, š, ž* (т. е. то же самое с точностью до цоканья).

Др.-новг. диалект в узком смысле в данном пункте в целом совпадает с вост.-новг. говорами: для берестяных грамот нормой являются, например, *хоц'еши*, *прихажсаи*, *прашаи*, *кожюхе* и т. п.

Сложный вопрос составляет эволюция праславянских **tj, *dj, *sj, *zj* в древнепсковском диалекте. С. Л. Николаев выдвинул гипотезу о том, что эти сочетания развились здесь соответственно в [k'], [g'], [x'], [y'], которые впоследствии перед за-

дними гласными отвердели; отсюда, например, псковские диалектные *сустрека́тъ* ‘встречать’, *рога́тъ* ‘рожать’, *вѣхатъ* ‘вешать’, *ва́уыватъ* ‘важивать, возить’ (Николаев 1988: 128–137; 1990: 57–59 и табл. 1–3). Заметим, что переход, например, от *tj к [k’], вероятно, был не непосредственным (скорее всего через стадию типа [t’], ср. § 2.17; более сложную версию см. в Крысько 1994б: 32–42).

В новгородских берестяных грамотах имеется один пример, где в соответствии с *dj выступает [g’]: *ноугене* ⟨*нугѣнѣ*⟩ ‘очень’, ‘сильно’ 717 (XII₂) — из **nudjъn-*. По-видимому, это рефлекс древнепсковского типа, причем в его древнейшей форме (по предположению С. Л. Николаева [1990: 57 и табл. 2, 3], перед передними гласными др.-пск. [g’] на более позднем этапе перешло в [z’]). (Версия А. Б. Страхова: случайный пропуск *ж* в *ноужгене — имеет обычные недостатки любых попыток объяснить трудное место как опisku.) В другом примере в соответствии с *dj обнаруживается *з*: *ризы* ‘рыжий’ 160 (сер. XII) — из *rydjbъjъ. Это *з* может объясняться просто шоканьем (§ 2.14); но возможно также, что здесь отразилась более поздняя фаза развития др.-пск. [g’] (см. выше) или рефлекс, принадлежащий другим говорам. Еще одним примером такого же рода, возможно, является *мезень* 373 (XV) (вариант к *мезень*, *межень*, где корень восходит к **medj-*).

Особый частный случай составляют сочетания *stj, *zdj.

В наддиалектном древнерусском они дали [š’č’], [ž’ž’] в вост.-новг. говорах — [s’c’], [z’z’], в др.-пск. диалекте — [š’k’], [ž’g’]. При этом повсеместно с сочетанием *stj совпало также *skj и результат первой палатализации для *sk, с сочетанием *zdj — *zgj и результат первой палатализации для *zg.

В др.-новг. диалекте в узком смысле в этом особом случае, по-видимому, сосуществовали рефлексы восточноновгородского и рефлекс древнепсковского типа, т. е., встречалось, например, как [pus’c’u], [pr’ijěž’ž’aj], так и [puš’k’u], [pr’ijěž’g’aj] (о знаке s’ см. § 2.14).

Для звонкого сочетания свидетельством допустимости [ž’g’] является написание *жс* (*дъжсгъ*, *ижсгенеть*, *наѣжсгаа* и т. п.), известное из очень многих новгородских и псковских памятников, в том числе и церковных. Для глухого сочетания аналогичным свидетельством служат случаи взаимной мены *щ* и *шк*, отмечаемые в берестяных грамотах и в летописи; они говорят о том, что *щ* могло читаться как [š’k’]. Относящийся к этому вопросу материал собран в Лингв., § 30 и Изуч. яз., § 7 (добавим еще *игришке* из Мар., № 19 — явно то же, что *игрище* ‘место, где играет рыба, мечущая икру’ [СРНГ, 12: 72], ср. *починок Игрище* в НПК, V, 688).

Что касается берестяных грамот, то здесь положение таково. Звонкое сочетание встретилося только в примере *в ызьѣжънои пшьнѣѣѣ* 366 (XIV); за *жс* здесь, вероятно, стоит [ž’ž’] (но, может быть, и [ž’ž’]). Глухое сочетание в подавляющем большинстве случаев записывается через *щ*; но фонетическое значение такой записи, вообще говоря, неочевидно. В примерах *бе щетыре* ⟨-рь⟩ (из *бес четыре*) 686 (XII₂), *бщестити* ‘бесчестит’ 67 (XIV₁) *щ*, по-видимому, передает [š’č’] или [s’c’]. С другой стороны, в ряде случаев *щ* явно читалось как [š’k’]: *оу Тимоще* ‘у Тимошки’ 78 (XII₂), *ѡ Митрощъ* ‘у Митрошки’ 410 (кон. XIII), *ѡ Мятещи* ‘у Мятешки’ 2 (кон. XIV), *ѡ Тимощъ* 300 (XV₁), *у Тимощина* ‘у Тимошкина’ 260 (XIV₂), *ѡ Тимощина* 261 (XIV₂). Особый случай: *лонищи* (из *лоньскыи*) 463 (XIV); здесь *щ* передает [š’k’] или [s’k’] (смешение *š/s’* — в силу шоканья). Ср. написание *Парашевгел* ‘Параскева’ на новгородской иконе посл. четв. XIV в. ‘Деисус с Варварой и Параскевой’ (Новгородский музей; отмечено А. А. Гиппиусом).

Особый интерес в этой связи представляет найденная в 1999 г. новоторжская берестяная грамота № 15, содержащая написание *Кошькѣи* ‘Кошей’; здесь наиболее наглядно отразилась реализация *щ* как [š’k’]. Ср. также в Пск. лет. варьирование *ск – щ* в *пущики* ‘пушки’ (2: 30, 45) – *поущича* (2: 154), *с поущичами* (2: 145), написание *Нестера Склкановича* (2: 112; очевидно, то же, что *Щелкановича*).

О неясном *пущати* (вместо *пуцати*) см. § 5.12.

*tl, *dl

§ 2.11. Как уже давно установлено, в древнепсковском диалекте *tl, *dl дали *kl, gl*. В псковских источниках многократно встречаются перфекты типа *блюглица*, *повегле* ‘повел’, *въсѣгли* ‘сели’, *сустрѣкли* ‘встретили’, *учкле* ‘учел’ и др. Тот же эффект обнаруживается в ряде существительных, в частности, *жерегло* ‘узкий пролив’, *жагло* ‘жало’, *ѣгла*, *егль* ‘ель’, *клець* ‘лещ’, *мочигло* ‘болото’ и др., в многочисленных топонимах (как собственно псковской, так и новгородской территории) — *Жерегло*, *Жаглово*, *Виглино*, *Еглы*, *Еглино*, *Раглицы*, *Сеглицы*, *Суглица* и др. См. Лингв., § 36 (там же о литературе вопроса), Изуч. яз., § 5, Николаев 1989: 190–198.⁸

В вост.-новг. говорах, как и в наддиалектном древнерусском, *tl, *dl дали *l*: *блюлица*, *повель*, *сустрѣли*, *жало*, *ель*, *лещ* и т. д.

В др.-новг. диалекте в узком смысле сосуществовали оба типа рефлексов. В берестяных грамотах находим, с одной стороны, *рала* (Р. ед.) 663, *возвело* 531, *розвьли* 510, *бѣлиль*, *мыла* 288, *мѣла* <мы-> 129 (не считая слов *молити(са)*, *молитва*), с другой — *клець* 169, *вез[лесе]* 25; ср. также *везлѣ*, *повеглѣ*, *вывеглѣ* в новгородской пергаменной грамоте 1412 г. (Д 40). Топонимы с *кл, гл* (типа *Клецино*, *Еглино*, *Виглино*) встречались во всех новгородских пятинах; но в восточных пятинах (Бежецкой, Деревской, Обонежской), в отличие от западных (Шелонской и Водской), с ними активно конкурировали топонимы типа *Лецево*, *Елино*, *Вилино*.

Развитие сочетаний типа *TьrT

§ 2.12. Основной тип развития сочетаний типа *TьrT в древнем новг.-пск. диалекте — переход в тип *TьrьT* (соответственно, *TьlT, *TьrT дали *TьlьT, TьrьT*; *TьlT, не перешедшее в *TьlT, дало *TьlьT*). При этом *TьrьT* очень рано перешло в *TьrьT* в случае, когда второе *T* — это твердая зубная согласная. Примеры: *кьръзьно*, *дъльгъ*, *смьрьди*, *смьрьда*, *жьльтокъ*. В новг.-пск. диалекте вставная гласная в таких сочетаниях в дальнейшем отождествилась с исконными редуцированными и разделила их судьбу (при том, однако, что *ъ* или *ь* перед плавной во всех случаях сохранял свойства сильного редуцированного) (ср. § 2.23).

⁸ А. Б. Страхов (1999б, 2000б) пытается “отменить” данную особенность древнего новгородско-псковского диалекта — как, впрочем, и почти все остальные. Во всех таких случаях он использует один и тот же прием: берет один за другим примеры обсуждаемого фонетического явления и для каждого предлагает какой-нибудь сугубо индивидуальный нерегулярный путь, которым мог бы быть достигнут наблюдаемый результат, причем свободно пускаются в ход и совершенно небрежные версии, не выдерживающие никакой критики (см., например, ниже сноску 8 в § 3.44). Этот метод, состоящий в замене единого объяснения для всей рассматриваемой категории примеров дюжиной разных объяснений ad hoc, дает необычайно широкие возможности: с его помощью вполне можно “отменить” даже и самые хрестоматийные фонетические явления — нужно лишь иметь достаточно сильное желание.

В вост.-новг. говорах, равно как и во всей Юго-Западной Руси, положение было таково: здесь либо просто сохранялся исконный тип *TbrT*, либо после плавной возникал лишь слабый вокалический призывок, не достигавший статуса полноценного *ь* или *ь* и в нормальном случае не развивавшийся в самостоятельную гласную.

В др.-новг. диалекте в узком смысле в данном пункте господствовали западные рефлексы. В берестяных грамотах запись с гласной буквой (*ь*, *ь* или *o*, *e*) после плавной является нормой (естественно, кроме тех примеров из поздних грамот, где вставной [ъ] или [ь] уже должен был по общим правилам пасть). В ранний период запись типа *смьрде* (без вставного редуцированного) встречается очень редко и истолковывается неоднозначно: это может быть правильная письменная передача рефлекса вост.-новг. типа или просто орфографическая условность — написание по господствующему в наддиалектном др.-р. языке образцу. Возможно, таким образом, что в др.-новг. диалекте в узком смысле рефлексы вост.-новг. типа просто отсутствовали.

В рефлексах *TbrьT*, *TььT* вторая гласная в некоторых случаях (не всегда четко определимых) впоследствии могла развиваться в *ы*, например: *мольница*, *мольница* в Радзивилловской летописи XV в. (см. Шахматов 1915, § 261), *мольница* в ряде северных (см. там же) и псковских (см. Николаев 1988: 124) говоров, топоним *Стольтино* (НПК, неоднократно; в одном случае [VI, 457] та же деревня названа *Столоино*). Ср. случаи развития *олы*, *оры* в типе **TorT* (§ 2.5).

З а м е ч а н и е . Имеется значительный параллелизм в эволюции сочетаний типа **TorT* и типа **TbrT*. В обоих случаях в вост.-слав. зоне после плавного появляется вокалический призывок, который развивается в сторону уподобления предыдущей гласной. В северо-западной части зоны (новг.-пск.) в большинстве говоров этот процесс реализуется полностью: получаются *ToroT* и *TbrьT*. В юго-западной части (будущей укр.-белор.) он не доходит до своего логического завершения: вставная гласная не достигает полного сходства с предыдущей, и ее позднейшие рефлексы иные, чем соответственно у исконных **o* и **ь*. (В восточной половине зоны ситуация компромиссная: **TorT* дает те же рефлексы, что на северо-западе, а **TbrT* — те же, что на юго-западе.)

§ 2.13. Наряду с двумя описанными типами рефлексов (*TbrьT* и *TььT*), в др.-новг. зоне существовал еще один тип, историками русского языка ранее не отмеченный, а именно, *TbrT*. Основные факты здесь таковы (подробнее см. Зализняк 1997).

В берестяных грамотах к этой проблеме имеют отношение следующие примеры: а) *мловила*, *во брозѣ* 731 (XII₂), *во хлостѣхо* 722 (1 четв. XIII); в обеих грамотах представлен графический эффект *ь* → *o*; б) *не длъжьнь, къ Вльчькови* 'к Волчку' 336 (XII₁). В группе «б» мы, может быть, имеем дело всего лишь с орфографической условностью, а именно, с использованием орфограммы старославянского типа. Но к группе «а» такое объяснение неприменимо, поскольку здесь и орфограмма иная, и сам принцип бытового письма предполагает независимость от книжной орфографии. К данному списку, возможно, следует присоединить также *на Пръжневици* 526 (XI), *трькъвище* 384 (XII), где неясна первоначальная структура корня (см. А 3, Б 52).

М. Н. Шевелева (1993, 1995) обнаружила написание с *ro*, *lo*, *re* также в рукописи конца XIV в. новгородского происхождения (Житие Андрея Юродивого, РГАДА, Типогр. № 182; ныне см. издание: Молдаван 2000а). Здесь представлены (на фоне обычных написаний типа *церкви*, *полно*, *молния*): *на трогу* 'на торгу', *троговною*, *проты* 'одежды' (В. мн.), *того прота*, *кросту* 'гроб', *помродавь* 'усмехнувшись' (в других списках *помордавь*), *млония* (в разных формах), *влочець* 'волчек', *вресту* 'сверстника', *мрезци* 'мерзкие', *мрезькаъ*, *помрекнет* 'померкнет', *припретѣ* 'на па-

перти', *чрѣмно* и др. Кроме того, в Геннадиевской библии 1499 г. отмечено *помлочаете* 'успокаиваетесь' (см. Срезн., статья *помълчати*₂). Написания с *ро*, *ло*, *ре* в этих памятниках не могут быть объяснены как орфографическая условность: они отличаются как от стандартных поздне-др.-р. написаний с *ор*, *ол*, *ер*, так и от орфограмм южнославянского происхождения с *рь*, *ль*. За ними явно стоят сочетания с [ро], [ло], [р'е], развившиеся нормальным фонетическим путем из рефлексов типа *TrъT*.

М. Н. Шевелева обнаружила также еще один список Жития Андрея Юродивого (ГПБ, Соловецк. № 216, кон. XV), где рассматриваемый эффект представлен еще шире. Оригинал для него явно служил указанный выше список (Типогр. № 182), но сверх уже указанных примеров здесь сохранились аналогичные написания в частях, в оригинале утраченных: *гробата* 'горбатая', *грошокъ* 'горшок', *истрогати* 'исторгать', *съ вребимъ*, *двѣ на десать врестѣ*, *дрезновенье*, *мрезити*, *чревленами*, *чремныя*, *чренило*, *чреници*, *чреньца*. Кое-что исправлено позднейшим редактором: *кrotchasa* 'корчась' (испр. на *коръчаса*), *чревлены* (испр. на *червълены*), *поврезъшие* (испр. на *поверъзъшие*), *истрогаль* 'исторгал' (испр. на *истръгаль*).

Важнейшим подтверждением фонетической реальности написаний с *ро*, *ло*, *ре* являются данные современных говоров. Приводим материал в сокращенном виде и без ссылок (полный разбор см. в указанной выше работе): *ослѡн* 'большая палка, дубина', 'великорослый, но глупый человек', 'болван, остолоп' и ряд производных (*ослопѡн*, *ослопень*, *ослѡпѡна*, *ослѡпье* и др.), ср. *остолѡн* 'столб', 'высокий пенъ', 'великорослый, но глупый человек', 'упрямец' (корень **stъlp-*); *кloch* 'кочка', 'поросший мхом островок' (также *кlochъ*, *кlochѡ*) и производные (*кlochѡк*, *кlochѡха*, *кlochѡватый*, *кlochье* и др.), ср. *колч* 'кочка', 'бугорок, поросший мхом или травой' (также *кѡлчѡ*, *кѡлчѡ*) и производные (*кѡлчѡк*, *кѡлчѡшка*, *кѡлчѡватый* и др.), также укр. *ковч*, блр. *колч*; *кropнѡть* 'чинить обувь, одежду', 'штопать', также 'делать мелкую, трудоемкую работу медленно и неумело', 'копаться, возиться' и производные (*кropнѡться*, *кropнѡн*, *кropнѡч* и др.), ср. *кorpнѡть* 'чинить одежду', 'заниматься какой-либо работой', 'копаться' (сюда же литературное *кorpнѣть*); *мрѡда* 'рыболовная сеть', 'верша', ср. *мѡрда* 'то же'; *дресвѡ* (согласно ЭССЯ, из **dъrstva*; слово, вошедшее и в литературный язык), также *дрезвѡ*, *дресфѡ*, *дреслѡ*, ср. *дверстѡ*, *дверствѡ*; синонимичное предыдущему слово *грествѡ*, *гресвѡ*, ср. *гверстѡ*, *гверствѡ*, *гверздѡ* и др., также *жерствѡ* (вопрос о том, не восходит ли эта группа слов к тому же **dъrstva*, с нерегулярной заменой **d* на **g*, остается пока открытым). Вероятно, к этому же ряду принадлежит и русск. лит. *бревнѡ* (сюда же диалектные *бревнѡ* 'бревно', *бревнѡна*, *бревѣнки*, *бревѡшка* и др.), ср. диалектные *бервнѡ*, *бернѡ*, *бервенѡ*, *бернѡшка*, *бѣрнушко* и др., укр. *бервенѡ*, *бервнѡ*, блр. *бервянѡ*, *бернѡ*.

Перечисленные здесь диалектные слова с географической точки зрения в большинстве случаев обнаруживают тенденцию к следующему распределению: рефлекс-ы типа *TroT* на севере (и в Сибири), типа *TorT* — на юге; в северо-западной зоне и в смоленских говорах встречаются оба типа. Особенно отчетливо это распределение выступает в парах *кloch* — *колч* и *бревнѡ* (точнее, диалектные производные от этого варианта) — *бервнѡ*. В целом, если не считать слов, попавших в литературный язык, рефлекс-ы типа *TroT* обнаруживают явную связь с территорией древненовгородского государства, а также со смоленской зоной.

С выходом в свет новых выпусков СРНГ к приведенному материалу можно добавить, в частности: *протянѡй* 'холщовый' (СРНГ, 33: 18; также ряд однокоренных, напр., *протомѡя* 'прачка') — *портянѡй* 'то же' (30: 100); *прѡхѡвый* 'рыхлый', 'редкий, негустой' (и ряд однокоренных; 33: 28) — *порхѡвый* 'то же' (30: 113).

Среди топонимов, зафиксированных в НПК, есть такие, где, возможно, тоже отразился рефлекс типа *TrоT*: *Бренево, Бренюха*, ср. *Берново, Берняково, Бернятино; Дретець, Дретовно*, ср. *Дертина, Дертицьно; Скробово, Скробовичи, Скробцово*, ср. *Скорбово; Стрежь, Стрежино*, ср. *Стержь, Стержинский* (десяток); также *Врево, Врева, Вревка*, ср. *Веревка, Веревкино*.

Отметим, что в говорах иногда встречаются также рефлексы с *ы*, в частности, *кльч* 'засохший ком земли' Эстония, Оренб., *кльчья* 'комки замерзшей грязи' Калуж., 'клочья' Пск., Твер. Такое *ы* представляет собой один из возможных результатов развития *ь* — не только в составе *TrьT*, но и в ряде других случаев (ср. § 2.5, 2.12, 2.22).

Шоканье (шепелявенье)

§ 2.14. В древнепсковском диалекте (возможно, не во всех говорах) произошло совпадение *s'* (из *s* перед передней гласной) и *z'* (из *z* перед передней гласной, а также из продукта прогрессивной палатализации для **g*) соответственно с *š* и *ž*. Возникшие при этом единые фонемы можно обозначить как *s''*, *z''* (в кириллице — *с''*, *з''*). Это так наз. шоканье (или шепелявенье): *с''ила*, *с''есть* 'шесть', *з''има*, *з''алоба* 'жалоба'.

В наддиалектном древнерусском, равно как в вост.-новг. говорах, это явление отсутствует: *сила, шесть, зима, жалоба*.

В собственно новгородских документах данная особенность отмечается лишь изредка. Примеры: *заожеричь* Свинц. 1 (XI/XII), *шизьи* 'сизый', 'сивый' 735 (XII), *во борозь* (из *въ бъръзѣ*) 682 (XII₂), *прикажзиважиши*, *зеребе* 'жеребьи' 99 (сер. XIV), *лонции* (из *лоньскьи*; *ц* = [š'k'] или [s''k']), см. § 2.10) 463 (XIV), *здуци* 'ожидая' 931 (XV), *ложивьи* 'лживые', 'ложные' (где вначале вместо *жи* было написано *зы*) 307 (XV). Возможно, сюда же относится пример *ризьи* 'рыжий' 160 (сер. XII); но он допускает и другое объяснение, см. § 2.10.

Характер реализации *ě

§ 2.15. В диалектах кривичского ареала праслав. **ě* реализовалось в виде широкого монофтонга или дифтонга с широким вторым компонентом (отсюда изредка встречающиеся в сев.-зап. говорах примеры типа *яла* 'ела', *кяп* 'цеп', *ряпа* 'репа'), см. Николаев 1990: 60. По-видимому, именно этим объясняется передача славянского **ě* через *ää* в древнейшем пласте прибалтийско-финских заимствований из восточнославянского (типа финск. *määrä, läävä, lääti, räähkä* из *мѣра, хлѣвъ, клѣтъ, зрѣхъ*) — в отличие от заимствований более поздних или из некривичского источника, где **ě* передается через *ie* (типа финск. *viesti* из *вѣсть*; финск. *ie* может восходить к *ee*).

Для остальной части вост.-слав. территории, включая и вост.-новг. зону, характерна реализация **ě* в виде узкого монофтонга или дифтонга с узким вторым компонентом (хотя, возможно, и здесь имелись отдельные говоры с широким *ě*, ср. Галинская 1993).

Картина, открывающаяся из новгородских берестяных грамот, такова. Начиная со 2 пол. XII в. здесь проявляется та или иная форма смешения *ѣ* с *и* — вначале редкого, в XIV–XV вв. уже весьма частого. Это говорит о рефлексе узкого типа.

С другой стороны, в берестяных грамотах широко представлено смешение *ѣ* с *е* (или с заменяющим его *ь*); особенно часто это явление наблюдается в грамотах XII–

XIII вв. (см. § 1.9 и диаграмму I). Казалось бы заманчивым непосредственно связать это явление с кривичской реализацией *ѣ* в виде широкой гласной; но для такого вывода всё же нет достаточных оснований: в древней Руси несомненно существовала практика чисто графической замены *ѣ* на *e* (иначе говоря, записи [ĕ] или [je] через *e*). Это видно прежде всего из того, что в Южной Руси, где *ě не переходило в [e], мы тоже находим памятники с заменой (хотя бы частичной) буквы *ѣ* на *e*; ср. в особенности: *a мьне не надобе* Звен. 1 (XII₁); *4 лета, неделѣ* в надписи XI в. на стене киевского Софийского собора (Высоцкий 1966, № 9). Кроме того, в ряде новгородских берестяных грамот в соответствии с *ě находим то *e*, то *и* (нередко в одинаковой позиции), ср., например, *дове, гривене – дови, гривь(и)и* в № 219 (XII/XIII). Ясно, что в таких грамотах отражен говор, где рефлекс **ě* имеет закрытый характер, а именно, варьируют между [ĕ] (или [je]) и [i]; при этом, однако, на письме автор колеблется между *e* и *и* (а не между *ѣ* и *и*), т. е. для передачи [ĕ] он пользуется буквой *e*.

Сказанное не означает, конечно, что в грамотах с эффектом *ѣ* → *e* за *e* ни в каких случаях не может стоять открытая гласная. Мы подчеркиваем лишь то, что написание *e* не может, к сожалению, служить доказательством такого произношения.

Таким образом, в др.-новг. диалекте в узком смысле несомненно существовала узкая реализация фонемы *ѣ*; существовала ли наряду с ней также и широкая реализация, достоверно не известно.

Вопрос о протетическом [j]

§ 2.15^a. В берестяных грамотах отмечены некоторые примеры, которые отличаются от наддиалектного древнерусского трактовкой протетического [j].

В грамоте № 776 (сер. XII в.) встретилась словоформа *юбржсе* ‘убрус’ (‘платок’, ‘полотенце’), с начальным [j]. Поскольку морфология и синтаксис грамоты не имеют какой-либо книжной окраски, трудно предполагать, что *юбржсе* — это гиперславянизм.

Традиционная формула гласит, что в правосточнославянском начальное *ju-* (любого происхождения, т. е. как из **ju-*, так и из **jǫ-*) перешло в *y-*. Эта формула практически основана на словах: *узь* ‘юг’, *унь* ‘юный’, *уха, утро, уже* (и их производных; относительно заимствованных имен типа *Устинь, Ульянь* см. Шахматов 1915: 143). Современные *юг, юный* объясняются как церковнославянизмы. Однако этой формуле не соответствует ряд слов заведомо народного происхождения: *юр, юрѣть* ‘спешить, волноваться’, ‘резвиться в воде’, *юркий* (и другие производные от *юр-*), *юла, юлить, ютиться, юзгаться* ‘бороться, состязаться’ (олон.), *юзжѣть (юзжѣть)* ‘визжать’, ‘плакать’ (новг., ворон., тамб.), также укр. *юда* ‘род злого духа’, *юдити* ‘подстрекать’, блр. *юдзиць* ‘хитрить, лукавить’, укр. *юга* ‘род сухого тумана в жаркий день’ и др. (см. Фасмер и ЭССЯ, 8). Поэтому более объективная оценка ситуации состоит в том, что переход *ju-* в *y-* был нерегулярным; он относительно последовательно осуществился лишь в части слов (ср. сходную ситуацию с переходом *je-* в *e-* и далее в *o-*). По-видимому, как обычно бывает в таких случаях, в разных группах говоров наборы слов, охваченных данным переходом, были несколько различны, т. е. ряд слов фактически испытывал колебания между *ю-* и *y-*. Понятно, что в такие колебания могли втягиваться и отдельные слова с исконным *y-*. Примером этого может служить как раз слово *убрусъ*, где *y-* исконно (по происхождению это приставка *y-*: исходным здесь было *u-brъsnǫti ‘утереть’; но слово *убрусъ*, очевидно, уже в древнерусскую эпоху опростилось и потеряло смысловую связь с глаголом).

В северо-западных говорах можно отметить ряд заимствованных слов с начальным *ю-*, которые должны были пройти через фазу колебаний между *у-* (иногда также *гу-*) и *ю-*: *юдега* 'иней' (олон.), наряду с *гудега* 'густой иней на деревьях' (арх.) — из финск. *huude* 'иней' (< *huudek), Р. ед. *huuteen* (< *huuteken); *юлега* 'шум, вьюга, ураган' (олон.) — из финск. *ule, ulo* 'холодный весенний ветер, туман'; *юрá* 'шило' (новг.) — ср. эст. *ora* 'шило', южн.-эст. *uur* (Р. ед. *uuri*) 'сверло' (см. соотв. статьи у Фасмера, чьи сомнения по поводу этих слов ныне можно считать излишними).

Колебания между *у-* и *ю-* иногда отмечаются в говорах и в исконных словах: ср. *сь-по ютру* (волог.; см. Шахматов 1915: 142); *по юлицы, по юлочцы, ю мужа, ю лужо-чку, ю хату* и др. в белорусских говорах (Карский 1955, вып. 1: 304). Не исключено, что к этому ряду принадлежит также пример *ѡ другъхо* 'у других' в берестяной грамоте № 662/684; но это ненадежно (см. Б 77).

Учитывая все приведенные факты, следует с большей внимательностью отнестись также к многочисленным колебаниям между этимологически правильным *у-* (из **у-* или **и-*) и вторичным *ю-*, которые наблюдаются в древнерусской книжной письменности начиная с XI в., например, *уже* 'веревка' и *юже, уза* и *юза, уродъ* и *юродъ, ужика* и *южика, утроба* и *ютроба, удоль* и *юдоль, угль* и *югль, учърмьнь* 'красноватый' и *ючърмьнь* и ряд других (см. Срезн.). Варианты с *ю-* здесь традиционно рассматриваются как церковнославянизмы; но в данном случае ситуация не столь проста, поскольку в старославянском все эти слова выступают как раз без [j], а варианты с *ю-* (*ѡ-*) свойственны именно русской письменной традиции. Обычно здесь предполагают гиперкорректное построение по образцу *унь* (русское) — *юнъ* (старославянское). Но большое распространение вариантов с *ю-* (*ѡ-*) типа *юза* (*ѡза*), *юродъ* (*ѡродъ*) уже в самый начальный период русской письменности (в Изборнике 1073 г., Пандектах Антиоха, Путятиной минее, Чудовской псалтири и других памятниках XI в.) позволяет предположить, что они опирались не только на механизм гиперкоррекции, но и на возможность вариативной фонетической реализации слов с таким началом.

Пример внешне противоположного характера представлен в грамоте Ст. Р. 356 (XII₁): *аесово* — Зв. ед. от сложного слова *ак-сов-а*, где первая часть едва ли может быть истолкована как-либо иначе, чем *аѡ-е-*, от *ак* 'яйцо'. Это значит, что перед нами редчайший пример сохранения исконного начального *а* без йотации в полнозначном слове. Ср. укр. *айо* (диал., детск.) 'яйцо', болг. диал. *айцѣ, аѣ* (ЭССЯ, 1: 61, 63, статьи **аѣ, *аѣсе*).

Мена редуцированных

§ 2.15^б. В некоторых случаях уже в очень раннюю эпоху *ь* перешел в *ѣ* или наоборот в силу ассимиляции с гласной следующего слога. Много примеров этого рода имеется в традиционных памятниках; см. Соболевский 1907: 90, Шахматов 1915, § 118. Особо стоит переход *ѣрь* в *ѣрь* в словоформах типа *смърѣда* (т.е. перед слогом из зубной согласной и задней гласной); его можно относить сюда или трактовать несколько иначе (см. § 2.46). В остальном материал берестяных грамот здесь таков.

В основе **вѣх-* 'весь' *ѣ* засвидетельствован в берестяных грамотах лишь в одном примере — *вѣхемо* (Д. мн.) 87 (XII₂). Во всех остальных случаях мы находим написание *вѣх-*, *вох-* или (в более поздних грамотах) *вх-*; см. § 2.9. Наиболее показательна здесь форма В. ед. муж.: *вѣ вѣхъ* 806 (XII₂), *вѣ[x]ѣ* 297 (XV), *вохъ* в грамоте 1412 г. (Д 40). Примеры *в[ѣ]хоу* 736а, *вѣхо* 893, *отъ вѣхоѣ* 850, относящиеся к 1 пол. — сер.

XII в., вероятно, еще отражают состояние с невыпавшим редуцированным.⁹ Очевидно, в основе *вѣх- ѣ перешел в ѣ в позиции перед слогом с задней гласной, но сохранился перед слогом с передней гласной (например, в словоформе <вѣхѣмъ>).

В дальнейшем начальное [вѣ] (или возникшее из него начальное твердое [в]) обобщилось: мы находим написание *во* также и перед слогом с передней гласной. Самый ранний пример такого рода — И. мн. *вохе* 670 (XII₂) — относится к тому же времени, что *вѣхемо* 87, где старое состояние еще сохранено. Далее следуют: И. мн. (или И. ед.) *вохе* 437 (XII/XIII), И. ед. *вохъ* 351 (XIII), И. мн. *вохи* 497 (XIV).

Заметим, что как в этих, так и в других примерах данного слова написание с гласной после *в* (т.е. *вох-* или *вѣх-*) встречается и много позднее эпохи падения редуцированных, ср. *вохо* 439 (XII/XIII), 390 (XIII), 100 (XIV), [ѡ] *вѣхо*... 184 (XIV), — наряду с написанием *вх-*, ср. *вхого* 211 (XIII), *со вхим*[и] 492 (XIV), *на вхыхъ* 359 (XIV/XV). В этом отношении данное слово ничем не отличается от слов с исконным начальным *вѣ-*, скажем, *вѣдати* или *вѣзати*, см. § 2.22.

Другой пример, вполне сходный с *вѣхъ* из *вѣхъ*, — *вѣзьмъ* (из *вѣзьмъ*) в грамоте № 246 (XI) смоленско-полоцкого происхождения.

Противоположный переход, определяемый таким же механизмом ассимиляции, отражен в *вѣзаль* 915 (XI₂), *вѣз[ьми]* 181 (XI₂) — из *вѣзаль*, *вѣзьми*. См. также А 8 об имени *Рѣзьско*.

Что касается более позднего примера *дѣвѣ* Ст. Р. 14 (XII₂), то он уже едва ли относится сюда же; скорее он отражает [д'в'], возникшее в силу ассимиляции из [дв']. То же верно для примера *сѣ пльд-* 429 (XII₂), где, по-видимому, уже произносилось [с'п'ел'ед-]. Относительно *отъ Сѣдеслав(а)* 940 (XII₂) см. Б 31.

Прочие явления

§ 2.16. Кратко упомянем также некоторые другие явления, характерные для новгородско-псковской (или специально псковской) зоны.

Древнепсковский и другие диалекты кривичского ареала имели ряд специфических акцентуационных черт древнего происхождения; см. об этом Николаев 1989: 189–190, 198–221, 1990: 60–62.

Можно предполагать, что в новг.-пск. зоне позднее, чем в некоторых других зонах, осуществился переход [w] в [v] (по крайней мере в ненадлежащей позиции). Именно этой причиной естественнее всего объяснить тот факт, что в старых заимствованиях из древнескандинавского и из прибалтийско-финских языков (попадавших в древнерусский язык через его др.-новг. диалект) [v] языка-источника передано как *б*. Сюда относятся: *либь* 'ливый' (и *либинь* 'лив' в грамоте № 776) из прибалт.-финск. *liiv-*; *Гѣлѣбъ*, *Улѣбъ*, *кѣлѣбъ*, *гѣлѣбъ (соврем. сев.-в.-русск. *голбец*) соответственно из др.-сканд. *Guðleifr*, *Óleifr*, *kylfingr*, *golf* (см. Фасмер, соотв. статьи; во всех этих случаях др.-сканд. *f* = [v]). Такая замена необъяснима, если язык-восприимчик имел собственное [v], и, напротив, находит хорошие типологические параллели в случаях, когда в языке-восприимчике нет [v] (а есть только [w]); ср., например, араб. *al-Bunduqīya* 'Венеция' из *Venetici*.¹⁰

⁹ Тем самым после появления этих примеров уже нельзя считать (вопреки ДНД₁: 334), что написание *вѣх-* или *вох-* само по себе свидетельствует об утрате корневой гласной.

¹⁰ Здесь, правда, имеется та трудность, что в заимствованиях из среднереческого (или через его посредство) *β* (= [v]) регулярно передается как *в*, а не как *б*, например, *февраль*, *Вар(ь)вара* и т.п. Предполагать, что указанные заимствования из скандинавского относятся к существенно более

В древнепсковском диалекте, по-видимому, не развилось противопоставление двух фонем типа *o*: /ɔ/ (открытого) и /ɔ̄/ (закрытого). Между тем в безусловном большинстве вост.-слав. диалектов такое противопоставление было, хотя характер распределения этих двух фонем был в разных диалектах неодинаков (см. Зализняк 1985, § 3.3–3.4) и вопрос о том, когда это противопоставление сформировалось, решается неоднозначно (и, возможно, по-разному для разных диалектов). В вост.-новг. зоне было представлено вполне последовательное противопоставление фонем /ɔ/ и /ɔ̄/, с классическим великорусским распределением. Сам Новгород в этом отношении, по-видимому, примыкал к восточным говорам.

В древнепсковском диалекте (или по крайней мере в некоторых его говорах) *ь* перед [j] и в определенных случаях также перед мягкими согласными развивался в [e] или [ы] (а *ь* — в [и]), см. § 2.27. Хотя сами эти изменения относятся к эпохе падения и прояснения редуцированных, их предпосылки (в частности, делабиализация *ь* в данной позиции), вероятно, сложились существенно раньше.

В древнепсковском диалекте в определенных позициях *s* и *š* могли переходить в *x*, см. об этом Николаев 1988: 128–132. Но этот процесс, по-видимому, относится уже к письменной эпохе: как показал С. Л. Николаев, основная позиция, в которой происходил этот переход (и единственная, в которой он затрагивал *š*, не восходящее к **xj*), — это положение перед сонантом; между тем в таких примерах, как *смехно* 'смешно', *страшно* 'страшно', *вышла* 'вышла' и т. п., контакт с сонантом возник лишь после падения редуцированных. См. также ниже (§ 2.56) о примере *Макхи[мк]ом* 496.

Заключительные замечания

§ 2.17. Как видно из нашего обзора, существовавший уже в дописьменную эпоху комплекс фонетических особенностей, отличающих древний новгородско-псковский диалект, в частности, от наддиалектного древнерусского, весьма значителен. Его практически невозможно объяснить, оставаясь в рамках традиционной концепции монолитного правосточнославянского языка.

В самом деле, при попытке сохранить эту концепцию, не нарушая общих постулатов компаративистики, мы вынуждены были бы принять по меньшей мере следующие допущения о фонетическом состоянии правосточнославянского языка.

1. В этом языке еще не произошла вторая регрессивная палатализация заднеязычных; она осуществилась лишь после отделения вост.-слав. ветви от остальных славянских, причем не во всех ее диалектах.¹¹ Аналогично с **kv*, **gv*: например, 'звезда' еще имела вид **gvězda*. Аналогично с 'весь': это слово еще имело основу **vьx-*.

2. Сочетания типа **TьrT* еще реально представляли собой сочетания со слоговой плавной; лишь после разделения вост.-слав. ветви на отдельные диалекты здесь появлялись глайды перед плавной, после нее или с обеих сторон от нее (по диалектам).

3. Сочетания **tl*, **dl* еще не упростились в *l*; это произошло лишь после отделения вост.-слав. ветви, причем не во всех ее диалектах.

раннему времени, чем заимствования из среднегреческого, нет оснований. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что в диалекте Кирилла и Мефодия *v* было более продвинуто в сторону [v], чем в новг.-пск. зоне.

¹¹ В концепции Вермеера (где постулируется единство прогрессивной и второй регрессивной палатализации) вместо этого тезиса должен быть принят тезис о том, что в этом языке еще не произошла монофтогизация дифтонгов.

4. Сочетания **tj*, **dj*, **sj*, **zj* по всей вероятности еще либо просто сохраняли свой исходный двухфонемный статус (ср. в этом отношении в особенности финск. *kaatio* 'ляжка', 'штанина', которое реально могло быть заимствовано только от восточных славян и при этом предполагает исходный вид **gātjā*), либо дали какие-то звуки типа мягких *t'*, *d'*, *s'*, *z'*, но еще не *č*, *ž* (> *ž*), *š*, *ž*.

Этот список в принципе можно продолжить (особенно если включить в рассмотрение акцентологическую проблематику, см. Николаев 1988, 1989, 1990). Однако и уже указанных пунктов достаточно, чтобы убедиться в следующем: разумеется, технически возможна такая реконструкция правосточнославянского, которая позволила бы объяснить все фонетические различия между новгородско-псковским и наддиалектным древнерусским обычными процессами позднейшей дивергенции; но результат такой реконструкции ничем существенным не отличался бы от праславянского. Иначе говоря, здесь потребовалась бы реконструкция такой хронологической глубины, при которой традиционно приводимый набор специфических черт вост.-слав. ветви еще не сформировался. Напомним в этой связи, что из рассматриваемых в § 2.2 явлений, общих для всех вост.-слав. диалектов, почти все в той или иной мере известны и за пределами вост.-слав. зоны. Вдобавок, например, такое явление из этого списка, как деназализация носовых гласных, заведомо произошло относительно поздно — уже в эпоху, когда вост.-слав. племена жили на своей исторически засвидетельствованной территории.

Описанный здесь эксперимент реконструкции попросту говоря показывает, что новгородско-псковский диалект и наддиалектный древнерусский сводятся к единому источнику не на правосточнославянском уровне, а на праславянском.

Как будет видно ниже (§ 3.49), к такому же выводу приводит и анализ древне-новгородских морфологических особенностей.

Сказанное не означает, что новгородско-псковский диалект не следует считать восточнославянским. Его носители, конечно, входят в ту совокупность славянских племен, чьи говоры, пройдя значительный путь совместного развития, образовали восточнославянскую общность. В позднепраславянскую эпоху различие между любыми двумя племенными говорами было с прагматической точки зрения ничтожным, взаимная коммуникация не составляла трудностей. Соответственно, любые два говора, которые в силу географических и политических причин оказывались в контакте, могли легко включаться в совместное развитие. В течение длительного времени славянские племена с их племенными говорами образовывали этноязыковой континуум, который в силу многочисленных миграций неоднократно подвергался перемешиванию; одни общности распадались и возникали другие. Следом этой длительной эпохи миграций являются многообразные перекрестные связи, которые, как известно, обнаруживаются практически для любой пары современных славянских языков, причем свободно пересекают границы таких относительно поздних общностей, как южно-, западно- и восточнославянская.

Для южнославянской и западнославянской ветвей отсутствие соответствующих монологических установок установлено уже достаточно давно. В отличие от этих двух ветвей, восточнославянская ветвь в соответствии с традицией, восходящей в основном к А. А. Шахматову, обычно считалась монологической. Имеющиеся ныне данные по древне-новгородскому и древне-псковскому диалектам показали, что и восточнославянская ветвь не была в этом отношении исключением: подобно двум другим, она вобрала в себя первоначально не вполне тождественные племенные говоры.

Продолжение разбора этой проблемы см. в § 3.49.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОЙ ЭПОХИ

§ 2.18. Ниже рассматриваются отразившиеся в новгородских берестяных грамотах фонетические явления, которые, как можно предполагать, возникли в письменную эпоху. Наш разбор в основном ограничен именно показаниями берестяных грамот; иллюстрации из прочих новгородских источников даются лишь факультативно. За немногими исключениями, рассматриваемые явления хорошо известны из курсов истории русского языка и русской диалектологии. Поэтому в большинстве случаев у нас нет необходимости пересказывать здесь соответствующие историко-языковые и диалектологические сведения. Наша цель состоит прежде всего в том, чтобы констатировать само наличие того или иного фонетического явления в др.-новг. диалекте и привести материал, помогающий уточнить хронологическую сторону вопроса.

Явления рассматриваются не в хронологическом порядке, а по темам.

ВОКАЛИЗМ

Падение слабых редуцированных

§ 2.19. Проблеме падения редуцированных посвящен специальный большой раздел в работе Изуч. яз. (§ 37–56); там разобран материал берестяных грамот (по № 710). В настоящее время этот материал (особенно по ранне-др.-р. периоду) существенно расширился. Нынешний материал в целом подтверждает основные выводы указанной работы. Но есть и некоторые коррективы; в частности, самые ранние надежные примеры пропуска *ь*, *ь* в берестяных грамотах, известные ныне, несколько старше, чем известные прежде; это *Рожьрта* 915 (вероятно, 3 четв. XI), *Арци* 910 (XI/XII), *3 гривнь <ны>* 907 (XI/XII), *Тюткы* 904 (1 четв. XII).

Показания известных ныне берестяных грамот позволяют заключить, что основной период падения неконечных слабых редуцированных в др.-новг. диалекте (в узком смысле) — это примерно сто лет: от 20-х гг. XII в. до 10-х гг. XIII в. Но отдельные случаи падения, очень редкие, встречаются и раньше — уже в XI в. Очевидно, существовала также некоторая “зачаточная фаза” данного процесса (возможно, даже довольно длинная).

Конечные редуцированные пали раньше, чем неконечные; по-видимому, начало этого процесса относится к XI в., завершение — к 1 пол. XII в. (см. § 2.25).

В настоящей книге часть вторая (“Тексты с комментариями”) может служить развернутой иллюстрацией к описанию этого процесса. В комментариях к каждой грамоте XI–XIII вв. имеется специальная рубрика “Редуцированные”, где собран весь относящийся к данной проблеме материал грамоты. Под символом I (“старое состояние”) объединены примеры, где в соответствии с этимологическим слабым редуцированным на письме стоит одна из букв *ь*, *ь*, *о*, *е*, под символом II (“новое состояние”) — те, где в соответствующей точке уже ни одной из этих букв нет.

Само деление “Текстов” на разделы и подразделы подчинено в первую очередь именно эволюции редуцированных.

Разделы А и Б соответствуют раннедревнерусскому периоду. Раздел А (XI – 1 четв. XII в.) — это эпоха, когда неконечные слабые редуцированные еще почти всегда сохраняются. Процесс их падения находится еще только в “зачаточной фазе”. В грамотах этого раздела практически весь материал по редуцированным

попадает в группу I; к группе II может быть отнесено всего несколько примеров (часть из них, вдобавок, не вполне надежна).

Раздел Б (2 четв. XII – 10-е гг. XIII в.) — это основной период падения неконечных слабых редуцированных. В грамотах этого раздела представлены различные соотношения между примерами группы I и группы II. В начале раздела еще безусловно преобладают примеры группы I, в конце значительный вес приобретают примеры группы II (но, разумеется, было бы наивно ожидать, чтобы каждая следующая грамота содержала более высокий процент примеров группы II, чем предыдущая). Раздел членится на два подраздела, с приблизительной хронологической границей около 1160 г. В первом из них процесс падения неконечных редуцированных проявляется еще довольно слабо; примеров группы II еще мало, во многих грамотах их нет совсем. Второй подраздел соответствует периоду наибольшей активности рассматриваемого процесса. Встречаются все типы соотношений между примерами групп I и II — от такого же, как в разделе А, до такого же, как в разделах В, Г, Д; но безусловно преобладают грамоты с соотношением промежуточного типа.¹²

Разделы В, Г, Д соответствуют позднерусскому периоду. Раздел В (20-е – 90-е гг. XIII в.) — начальная фаза этого периода. Господствуют примеры группы II; из группы I сохраняются, за редчайшими исключениями, только примеры особых категорий: записи с *ь*, получившим функцию знака мягкости, с *вь*, *во*, передающими [w], и др. (см. § 2.22).

В разделах Г (XIV в.) и Д (XV в.) материал по редуцированным более не выписывается, поскольку никакой новой информации это уже не дало бы.

Диаграмма IX показывает, как отразился процесс падения неконечных слабых редуцированных в материале берестяных грамот. Проценты означают долю примеров группы II (т. е. таких, где в соответствии с этимологическим редуцированным уже нет никакой буквы) в общем массиве показательных примеров. Непоказательными считаются: а) в группе II — примеры для позиции конца слова (в т. ч. и предлога) и для особых позиций, перечисленных в § 2.22 (пункты 1–4), а также примеры, извлеченные из грамот со скандирующим эффектом (и другими сходными эффектами, см. § 1.14). Все прочие примеры считаются показательными.

Чтобы отразить рассматриваемый процесс в его наиболее чистом виде, при составлении диаграммы IX были исключены из рассмотрения также следующие особые случаи: сочетания типа *ТъръГ* (§ 2.23), вставные гласные в заимствованных именах собственных (§ 2.47), слова *Глѣбъ* и *сторовъ* (§ 2.24), а также неясные и спорные примеры.

Для наглядности на диаграмме обозначены примерные хронологические границы разделов А–Д.

Основной график дан на отрезке А–В: продолжать его далее не имеет смысла, поскольку в последующую эпоху использование буквы *ь* в роли мягкого знака существенно искажает интересующие нас соотношения.

Чтобы избавиться от этого искажения, для отрезка В–Д дан дополнительный график: доля примеров группы II в том случае, если исключить из общего массива все примеры, где стоит буква *ь* (или *е*) на месте этимологического *ь (иначе говоря, все примеры с мягким знаком или его эквивалентом).

¹² Членение раздела Б на подразделы в значительной мере условно: граница между ними нерезкая. В работе Изуч. яз. период падения редуцированных был подразделен на три интервала (с приблизительными границами около 1150 и 1190 гг.). В настоящей книге это членение упрощено, что позволяет несколько надежнее распределять грамоты по подразделам.

Диаграмма IX.

Из диаграммы IX ясно видно, что самый резкий скачок графика соответствует границе между разделами Б и В. Именно этим переломом и определяется граница раннедревнерусского и позднедревнерусского периодов. Достаточно четка также граница между разделами А и Б.¹³

§ 2.20. Наблюдаются также следующие более частные закономерности, связанные с рассматриваемым процессом.

В грамотах, написанных по бытовой системе (т. е. с графическим смещением *ь* с *о* и/или *ь* с *е*), старый тип написания (по модели I) в среднем сохраняется дольше, чем в тех, которые написаны по книжной системе, т. е. без графических смещений (более полные сведения об этом явлении см. в Изуч. яз., § 45–46). Очевидно, в книжном письме существовала условность, состоявшая в том, что редуцированные гласные (которые в живой речи уже становились факультативными) могли на письме и не обозначаться. Между тем бытовое письмо, сформировавшееся под значительным влиянием приемов чтения и записи по складам, требовало отчетливого различения сочетаний типа *СС* и типа *СVC* (даже если гласная в *СVC* была лишь факультативной). Соответственно, грамоты, написанные по бытовой системе, несут в себе более точную информацию о том, когда редуцированные гласные действительно исчезли (т. е. перестали произноситься даже факультативно).

Замечательной иллюстрацией указанного различия между книжным и бытовым письмом может служить грамота № 724, где одна часть написана по книжной системе, а другая по бытовой (см. Б 47, комментарии по поводу редуцированных).

§ 2.21. Буквы *ь*, *о*, стоящие в соответствии с этимологическим *ь, исчезают на письме несколько более быстрыми темпами, чем буквы *ь*, *е*, соответствующие *ь. Это не значит, однако, что звук [ъ] исчезал быстрее, чем [ь]. Дело лишь в том, что уже в XII в. буква *ь* (равно как заменяющее ее *е*) в части случаев фактически не передает никакой гласной, а выступает в новой функции — как знак мягкости пред-

¹³ В вопросе о ходе падения редуцированных в качестве дополнительной иллюстрации можно использовать также таблицу 3 в § 2.51 (хотя она и посвящена в основном другой проблеме).

шествующей согласной. А со 2 четверти XIII в. в грамотах, где нет смешения *ь* и *е*, буква *ь* уже может выполнять только эту функцию.

Что касается буквы *ь* (или заменяющего ее *о*), то она после падения конечных редуцированных регулярно выполняет аналогичную функцию (обозначает твердость согласной) на конце словоформы. В грамотах XIII–XV вв. изредка встречаются случаи использования *ь*, *о* в этой функции также внутри словоформы.

Если как *ь* (*е*), так и *ь* (*о*) используются в качестве показателей соответственно мягкости и твердости вполне последовательно, то возникает так наз. скандирующая запись (см. § 1.14; там же о разных типах неполного скандирования). Понятно, что при изучении вопроса о падении редуцированных грамоты со скандирующей записью или ее элементами (в частности, блок 390, № 346, 366) должны выделяться в особое рассмотрение, поскольку здесь сохранение букв *ь* (*о*), *ь* (*е*) не означает сохранения гласной.

§ 2.22. Имеется ряд особых позиций, где исчезновение *ь*, *ь* (*о*, *е*) на письме протекает в берестяных грамотах намного медленнее, чем в среднем. Сюда относятся следующие случаи: 1) перед редуцированным стоит *в*, например, *въдати*, *възати*, *давъше*, *дѣвъка* (при этом в начальном слоге “тормозящее” действие *в* заметнее, чем в срединном); 2) в начальном слоге перед редуцированным стоит *р* или *л*, например, *ръжи*, *Лъбына*, *лъжица*; сюда же примыкают *Дѣмитре*, *дѣни*; 3) перед редуцированным стоит сочетание согласных (в т. ч. то, которое передается через *ц*), например, *Мѣстъке*, *поселищънии* (но о сочетаниях типа *TrъT* см. отдельно ниже); 4) отдельные случаи, когда после редуцированного стоит сочетание согласных — суффикс *-ьск-*, слова *почъста*, *потъснутиса*, *тѣщина*, *мъзда*, *дѣска*.

Диаграмма X. УТРАТА *ь* НА ПИСЬМЕ У СЛОВОФОРМ С НАЧАЛЬНЫМ **ВЪ-*

Примечание. Какого-либо статистически значимого различия между эволюцией предлога *въ* и эволюцией *въ-* в начале словоформы усмотреть не удастся (по крайней мере на том материале, который имеется ныне).

“Тормозящий” эффект такого же рода, но более слабый, возникает также в случае, когда согласные, стоящие по разные стороны от редуцированного, различаются по звонкости–глухости, например, *Несъда, Жадъке, Съдила*.

Почти во всех этих особых случаях имеющийся материал невелик; для статистического анализа его недостаточно. Лишь по первому пункту материала сравнительно много. В частности, для начального **въ-* в слабой позиции ныне в берестяных грамотах имеется уже более 400 примеров (считая также предлог *въ* и слово *въх-’весь’*). Продемонстрируем на примере этой группы словоформ, как именно выглядит отставание некоторой особой группы от основного массива в утрате гласной *ь* (или заменяющего ее *о*) на письме. Этой цели служит диаграмма X.

Вопрос о том, какая фонетическая реальность стоит за длительным сохранением *ь, ъ* (*о, е*) на письме в указанных выше особых случаях, решается не вполне однозначно. Иногда это может быть и орфографическая условность, как в некоторых примерах написания *-ьск-* (см., в частности, Б 118 о написании *дыцьскамоу*). Однако в большинстве случаев, по-видимому, мы все же имеем дело с более длительным сохранением вокалического элемента в живом произношении.

Особый частный случай составляют поздне-др.-р. написания с *въ* или *во* (пункт 1): по-видимому, *въ* или *во* могло восприниматься здесь как средство передачи биллабиального [w]. В пользу этого говорят случаи прямого параллелизма написаний с *Ѹ* и *во* в рамках одной грамоты: *не Ѹдасте – водасте* в № 483 (XIII), *во Сельче – Ѹ Селоквь Горь* в № 614 (XIII); см. также § 2.45.

От перечисленных выше категорий примеров необходимо отделить тот частный случай пункта 3, когда перед редуцированным стоит сочетание «согласная + *р, л, м, н* или *в*» (т. е. сочетание типа *TrъT*, где в роли *r* может выступать любой сонант, а также *v*). В этом случае в др.-новг. диалекте невыпадение гласной являлось нормой, ср. *брони* 138 (XIV), деревни *Блохино, Глотова, Гремюкъ, Кротова* и т. п. (НПК). Но в некоторых говорах выпадение гласной и в этой позиции было возможно (после чего выпадал и сонант, оказавшийся в интерконсонантной позиции): ср. прежде всего *Пьсковъ, Псковъ* (из *Пльсковъ*, см. Шахматов 1915, § 374; первые написания этого слова без *л* отмечаются в псковских и новгородских памятниках в XIV в.), также деревни *Хсты* (НПК, V, 260), *Хстечки* (I, 725, 739), *Хстишино* (VI, 11) (из *хръст-*), диалектные *водѡкъиá, водѡкъишна* ‘водокрестье’ Пск., Олон., Новг., Твер. (СРНГ, вып. 4), не говоря уже о распространенных почти на всей великорусской территории *кстить, кстѣны*.

В тех случаях, когда *ь, ъ* в сочетании типа *TrъT* не выпадали, они обычно развивались подобно сильным редуцированным, т. е. давали *о, е*, ср. примеры выше. Однако существовал также и другой путь развития — в сторону *ы, и*, т. е. такой же, как в Юго-Западной Руси. Так, например, в берестяных грамотах XII в. наряду с *Грецинови* 603, *Грьциноу* 549, 558 представлены также *Грициноу* 502, *Грицина* 935, *Грицьнь* 546 (подробнее об этом корне см. Б 93, № 502); в псковском паремейнике 1313 г. в приписке писца (Козьмы-поповича) находим *позаоутрыкати* (РГАДА, ф. 381, № 61, л. 17). Ср. также примеры типа *кльч* (§ 2.13).

Особый характер могло иметь также развитие *ь, ъ* перед [j]. Так, в презенсе глаголов типа *мыти, крыти*, т. е. **тъjѡ, *кръjѡ* и т. д., *ь* не утрачивался. В вост.-новг. зоне он давал *о*, в зап.-новг. — *ы, э* или *о* (по говорам); см. Николаев 1988: 118–121 и карта 1. Отметим *възъиду* ‘взойдут’ в берестяной грамоте № 481; см. В 26 (рассматри-

вавшиеся ранее в этой связи примеры *ск[р]ъи* 8 и *закрою* 131 должны быть сняты: соответствующие отрезки текстов ныне интерпретированы иначе).

В суффиксе *-ъj-е* (также *-ъj-а*, *-ъj-ь*) слабый *ь* в нормальном случае выпадал по общим правилам: *челобитьѣ*, *коробья*, *Василью* и т. п. Написание с *и* (*иѣ*, *иа* и т. д.) представлено прежде всего в книжных словах: *добродѣяниѣ*, *рукописаниѣ* и т. п.; но встречается и в других случаях, например, *Василию*, *ѿ Григориѣ*, *коробия*; подробнее см. § 1.13. В некоторых грамотах вместо *и* в подобных случаях пишется *ѣ*, при том, что в остальном *ѣ* употребляется правильно или почти правильно, например, *коробѣа* 403 (2×), *ѿнуѣрѣа* ‘от Онуфрия’ 98; что стоит в произношении за таким *ѣ*, не совсем ясно (ср. *ѣ* в написаниях типа *лососѣи*, § 2.27).

Неоднократно встречающееся написание *бѣк(ть)* ‘бьет’, *бѣю(ть)* ‘бьют’, возможно, в части случаев имеет морфологическое объяснение (см. Д 26).

§ 2.23. Вставная гласная в сочетаниях типа *ТъръТ*, развившихся из **ТъrТ* (§ 2.12), ведет себя в общем так же, как обычные редуцированные. В слабой позиции процесс ее выпадения протекает практически в те же сроки, что у исконных **ъ*, **ь* (чтобы было удобнее непосредственно наблюдать этот процесс на материале грамот, в комментариях к грамотам этой теме посвящена особая рубрика под условным названием “Плавные”). Необходимо лишь учитывать, что написания, отражающие падение *ъ* в *ТъръТ*, например, *мълви* или *молви* (в отличие от более ранних *мълъви*, *молви*), внешне сходны с написаниями по наддиалектной модели *ТъrТ*, которые изредка встречаются в берестяных грамотах и в период до падения редуцированных, например, *смърде* 562 (посл. четв. XI), *мълви* 605 (1 треть XII).

С другой стороны, здесь важно учитывать позднее (XIV–XV вв.) явление, отчасти сходное с древним **ТъrТ > ТъръТ*, — факультативное появление гласного призвука после [л] (реже [р]) в положении перед согласной. Это не сохранение прежнего [ъ], а новый фонетический автоматизм, не зависящий от предыстории слова. Писцы обычно не отмечают этот призвук, но изредка все же записывают его как *ъ* (в бытовой системе — как *о*). Разумеется, это очень трудно отличить от эффекта скандирования (§ 1.14); отражение призвука можно подозревать там, где помимо таких *лъ*, *ръ* (*ло*, *ро*) нет или почти нет других проявлений скандирования. Примеры: *польсти* 354, *в Болъсинѣ*, *у Болъдѣ* 568, *оу Вольфромѣа* 532, *кобил[ъ]ке* 42, *Ольѣоромѣвица* надп. 27 (в этих документах *ъ* и *о* не смешиваются); *[оу Пор]ъховъ* 266, *Михалькою* 937; также с *о* — *по[ло]тиноу* 328, *полотину* 689, *бороце* 318, *улоки* 50, *бѣлоки* 2.

§ 2.24. Интересно сравнить ход утраты слабых редуцированных в срединном и в начальном слоге словоформы. К сожалению, для серьезной статистики материал здесь всё еще недостаточен и возможны лишь приблизительные оценки. В положении после проклитики (т. е. там, где начальный слог словоформы не является в то же время начальным слогом фонетического слова), например, *на мьнѣ*, *къ съту*, *у Съновида*, насколько можно судить, редуцированные выпадают с той же скоростью, что в срединном слоге словоформы. Для начального слога фонетического слова материала сравнительно немного (предлоги *въ*, *къ*, *съ* не в счет); по-видимому, и здесь можно предполагать примерно такой же ход утраты редуцированных, как в срединном слоге. Самый ранний пример утраты редуцированного в начальном слоге фонетического слова — *сторови* 424 (1 четв. XII) — относится практически к тому же времени, что первые примеры утраты срединных редуцированных (см. § 2.19). К

этому же периоду относится пример *смърьда* 907 (XI/XII, одноеровая грамота) с неэтимологическим *ь* после *с*, свидетельствующий уже о некоторой неустойчивости различия между начальным *см-* и *сьм-*. Но в целом берестяные грамоты никоим образом не подтверждают тезис А. А. Шахматова о том, что редуцированные начального слога пали раньше срединных.

Необходимо учитывать, что некоторые слова рассматриваемой категории обладают индивидуальными особенностями. Так, вариант *сторовь*, возникший фонетическим путем из *сѣдоровь* (см. § 2.48), очень рано обособился и стал функционировать как самостоятельное слово (диалектное), отличное от общерусского *сѣдоровь* (*сѣдоровь*). Будучи лексикализован, этот вариант мог проникнуть и в такие говоры, где процесс падения редуцированных был менее продвинуто. Тем самым соотношение *сѣдоровь* – *сторовь* выпало из общего ряда, куда входят *мънѣ* – *мнѣ*, *дѣва* – *два*, *чѣто* – *что* и т. п.; в берестяных грамотах XII в. *сторов-* встретилось 8 раз, а *сѣдоров-* — только один раз. Не соответствуют среднестатистическим соотношениям также слово *къназь* (и производные) и книжное слово *сѣтворити* (в формулах *добрѣ сѣтворя*, *добро сѣтвори*): у этих слов доля написаний без *ь* (например, *къназь*, *къназьсѣ*, *сѣтора*) заметно выше, чем у прочих слов такой же структуры. В данном случае это естественно связывать с влиянием книжной нормы: в книжных памятниках написания *къназь* и *сѣтворити* широко используются уже с XI в.

Индивидуальная особенность имени *Глѣбѣ* состоит в том, что оно очень рано включилось в ассоциативную связь со словом *хлѣбѣ* и уподобилось ему фонетически, а именно, приняло форму *Глѣбѣ* (см. также А 27); для датировки процесса падения редуцированных оно тем самым ничего не дает.

В особом положении находятся предлоги: с орфографической точки зрения они могут трактоваться либо как отдельные слова, либо как часть последующего слова. В первом случае, в частности, предлоги *въ*, *къ*, *сѣ* сохраняют на письме *ь* (или *о*) всегда, независимо от произношения, во втором — могут записываться в соответствии с произношением. Ранее 2 четверти XII в. различие между этими трактовками еще ни в чем не может проявиться. В дальнейшем вначале преобладает первая трактовка, но с течением времени она уступает место второй.

Так, для предлогов *въ*, *къ*, *сѣ*, находящихся в позиции перед согласной, в ранне-др.-новг. период нормой является написание с *ь* или *о* (десятки примеров). Отклоняются только: для предлога *въ* — *в бъръзѣ* 176 (сер. XII), *в городищаньх* Ст.Р. 10 (XII₂), то же с отражением перехода *в* в *у* — *оу монастыри* 717 и *оу ней* 'в ней' 449 (XII₂) и ряд примеров с *у* 'в' в № 108 (нач. XIII); для предлогов *къ* и *сѣ* — [к] *Мирославоу* 603 (XII₂), *с нимо* 222 (нач. XIII). В XIII–XV вв. процент написаний без *ь* (т. е. *в*, *к*, *с*) плавно возрастает; в XV в. они уже безусловно преобладают (см. Изуч. яз., § 49).

У предлога *въ* эту эволюцию в принципе можно связать с фонетикой; но в случае с *къ* и *сѣ* мы, по-видимому, имеем дело лишь с постепенным изменением орфографической установки.

В позиции перед [j] в предлогах *ь* (*о*) сохраняется: *къ Ювану*, *ко Юрью* и т. п. (Более того, мы находим написание с *ь* даже для предлога, первоначально не имевшего *ь: [изъ А]жъ[л]ъби(ць) 876, XII₁.) Лишь с конца XIV в. появляются написания без *ь*: *к Юрью* 167, *к Юсифу* 14.

В позиции перед гласной для предлогов *въ*, *къ*, *сѣ* в ранне-др.-новг. период преобладает написание с *ь* (или *о*). Но с последней трети XII в. встречаются также примеры написания без *ь*: *к Онотанѣ* 670, *к Аврамоу* 550, *к Олисьеви* 502, *в Ошевь* 788, *с*

ызветомо 531. Написание *ѡ* (для предлога *отъ*) с этой точки зрения двусмысленно. В XIII–XIV вв. процент написаний *ѡ*, *к*, *с* плавно возрастает; в XV в. написания с *ѡ* (*о*) уже не встречаются (см. Изуч. яз., § 50). Особенность состоит здесь в том, что в контакте с предлогом, оканчивающимся на *ѡ*, может меняться также начальная гласная (а именно, *и* или *о*) следующего слова (см. § 2.33–34).

§ 2.25. Что касается падения конечных редуцированных, то здесь письменные памятники не дают никаких прямых свидетельств, поскольку действует орфографическое правило (соблюдаемое также и в бытовом письме), требующее писать *ѡ* или *ѡ* (или заменяющие их *о*, *е*) после конечной согласной словоформы.

Основная информация извлекается здесь из косвенных данных — прежде всего из свидетельств отвердения [м'] в словоформах на **-мь* (см. § 2.41). Дополнительным источником являются свидетельства превращения конечного *и* (из **jь* или **ji*) в [j] (см. § 2.28).

Отвердение [м'] в словоформах на **-мь* возможно лишь после падения конечного [ь]. Победа написаний типа *чимь*, *чимо* над типом *чимь*, *чиме* (т. е. победа отвердевшего [м] над [м']) наступает уже в середине XII в., тогда как победа написаний типа *посли* над типом *посъли*, *посоли* — только в 20-е гг. XIII в. Это значит, что процесс падения конечных редуцированных завершился существенно раньше, чем у неконечных. Естественно предполагать, что он раньше и начался. Поскольку имеющийся ныне материал указывает на 2-ю половину XI в. как на время появления первых пропусков срединных редуцированных, начало падения конечных редуцированных можно теперь более уверенно, чем прежде, относить к XI в.

Прояснение сильных редуцированных

§ 2.26. Материал берестяных грамот по так наз. прояснению сильных редуцированных (т. е. их переходу в гласные полного образования) весьма ограничен, поскольку для наблюдений здесь годятся только грамоты без графического смешения *ѡ*, *ѡ* с *о*, *е*, а их в наиболее важный для данной проблемы период (XII₂–XIII₁) довольно мало.

Напомним, что к сильным редуцированным относятся также *ѡ* и *ѡ*, стоящие перед *р* или *л* в рефлексах праслав. сочетаний типа **TьrT*; вставная гласная (после *р*, *л*) в таких рефлексах, если она есть, является сильной или слабой в зависимости от позиции (т. е. по общим правилам о редуцированных).

До середины XII в. в грамотах, не смешивающих *ѡ*, *ѡ* с *о*, *е*, сильным редуцированным всегда соответствуют на письме буквы *ѡ* и *ѡ*, например: *вътъкале* 907, *гривьнь* 904, *соужьдальць*, *възьми* Свинц. 1 (с эффектом *ѡ* → *ѡ*), *възьмъши*, *людьмь* 119, *съ Асафьмь* 605, *лоукънь*, *хрьбьта* 842, а также *смьрьди*, *смьрьда* 247, *смьрде* 562, *Вльчиноу* 902, *къльбасоу* 842, *дърьжи* 858, *Твьрьдаты* 84, *жьльтое* Ст. Р. 8, *мльви* Ст. Р. 7 и много других. Отметим *възми* 84, *възмѣ* 524, *цьркьвную* 739, где данный эффект выступает на фоне отсутствия на письме знака для слабого *ѡ*.

Примеры, свидетельствующие о переходе сильных *ѡ*, *ѡ* в *о*, *е*, появляются в берестяных грамотах начиная приблизительно с середины XII в.: *песца*, *первомѣ*, *смерди*, *въ борзѣ* 724 (1161–1167 гг.; приведен материал лицевой стороны грамоты, где смешения *ѡ*, *ѡ* с *о*, *е* почти нет; подробнее см. Б 47), *пол[ѡ] ѡ[ѡ]тверь[т]а* 710 (40-е – сер. 90-х гг. XII), *въ ... долзь <-зѣ>* 235 (60-е – 70-е гг. XII; пример не вполне надежен, поскольку некоторые элементы смешения *ѡ* с *о* в грамоте есть), *скорбѣ* Ст. Р. 10 (XII₂),

оперьсникѣ 648 (кон. XII – 1 четв. XIII). (В грамотах № 710 и 648 встретились также написания традиционного типа, см. примеры ниже.) Возможно, сюда же относятся примеры *съчетькѣ* 846 (2 четв. – сер. XII) и *ѿ Полоцька* 155 (60-е – 90-е гг. XII), где неясна этимология (см. Б 20, 72).

В Варл. (1192–1210 гг.) находим примеры *корь* (из *кърь*), *Волховомь* (*о* перед *л* и перед *м*), *Волхевьци*, *волмина* — наряду с *диавол[ѣ]мь*, *рьль*, *пожсьнь*, *против[ѣи](ѣ)*, где на письме представлены *ѣ* и *ь*. Важны показания грамоты № 510 (кон. XII – XIII₁): *сьломь*, *рожь*, *соть*, *торговала* (2×), *долгоу* (*ѣ* и *о* в этой грамоте не смешиваются, при том что есть эффект *e* → *ь*).

Но в ту же эпоху (XII₂ – 1 четв. XIII в.) в берестяных грамотах имеется также немало примеров, где сильные редуцированные записаны, как и прежде, через *ѣ*, *ь*: *възьми* 509 (4×), 710 (6×) и др., *отьць* 9, *дѣтьмь* 155, *Сьмьюна* 710, 735, *Сьмька* 105, *Сьмькишиц(а)*, [ѣ]резькѣ 710, *оушькѣ* 799, *локѣть* 609, *подышьвѣ*, *(ко)жюхъмь*, *на гребеньхъ* 438, также *кѣльтькѣ*, *кѣльтькѣ* 335, *въ дѣльгѣ* 675, *Търьцина*, *Мьльвотицѣхъ* (2×) 516, *Чьрьнѣка* 113, *кѣ(р)ѣчагоу* 379 и ряд других. Отметим примеры такой записи на фоне отсутствия на письме знаков для слабых редуцированных: *Лазьвке*, *Лазь(ѣ)къмь* 105, *възьми* 381, *възма* Ст. Р. 17, *кърьзно* 648.

Для 20-х – 90-х гг. XIII в. материала совсем мало, поскольку в этот период грамоты без смешения *ѣ*, *ь* с *о*, *е* встречаются особенно редко. Вероятно, к 20-м гг. относится грамота № 718, где находим *Городьцькемь*, *гр(и)вьнь*, *църныхъ*, наряду с *бѣрковьске* (с записью прояснившегося *ь в виде *ѣ*, см. § 2.27, конец). Примеры *(ѣ)[ѣ]зми* и *гривнь* в грамоте № 293 (2 треть XIII), написанной попом, — очевидно, просто традиционные орфограммы. Ср. отражение нового состояния в *гривень* 615 (посл. четв. XIII).

В XIV–XV вв. в грамотах уже совершенно последовательно представлено новое состояние; например, в блоке № 354+358 (сер. XIV) находим: *замокъ*, *рожь ли*, *ѡвесь*, *платень*, *челомъ*, *ѡвсомъ*, *с Нестеромъ*, *ко мни*, *корми*, *в Торжокъ* и т. д.

Частным следствием прояснения сильных редуцированных является то, что модель *ТърьТ*, развившаяся из праслав. *ТърТ, в сильной позиции дает так наз. “второе полногласие”: *веревка*, *верешь*, *горончарь*, *горошка* ‘горшка’, *полостьца*, *четвереть*, *черенцо* и т. д. Из поздних примеров отклоняются только *смертью* 125, *вѣрхъ* 496 (об особенностях написания слова ‘четверть’ в № 348 см. В 18). Как показал С. Л. Николаев (1994 и 2001), в современных сев.-зап. говорах сочетанию *ТърьТ* в сильной позиции двусложный рефлекс соответствует не всегда, а только при определенных просодических условиях (а именно, под прежним новым акцентом). К сожалению, материал берестяных грамот пока еще слишком мал для того, чтобы можно было установить, происходило ли в др.-новг. диалекте прояснение вставного *ѣ* (*ь*) в сочетании *ТърьТ* по тем же самым правилам, которые С. Л. Николаев выявил в современных говорах (отметим лишь, что *смертью* 125 могло бы объясняться именно этими правилами).

В целом рассмотренный материал позволяет предполагать, что прояснение сильных редуцированных протекало в др.-новг. диалекте либо просто одновременно с процессом падения слабых редуцированных (неконечных), либо с небольшим отставанием от него. Более вероятно второе.

§ 2.27. Особый случай прояснения сильных редуцированных представляет развитие сочетаний *ѣjb, *ьjb. По данным диалектологии, в вост.-новг. говорах сочетание

*ъѣ давало *ой*; в зап.-новг. ареале представлено (по говорам) несколько вариантов развития *ъѣ: *ый, эй, ой* (см. Николаев 1988: 118–121 и карта 1; 1990: 55–56). Соответственно развивалось и *ьѣ (вост.-новг. *ей*, зап.-новг. *ий* или *ей*).

Как показывают берестяные грамоты и другие источники, в собственно новгородских документах отражаются рефлексы как первого, так и второго рода.

Важнейшую группу примеров составляют адъективные словоформы В. ед. муж., где окончание было **-ъѣ/-ьѣ* (в поздне-др.-новг. период это окончание проникает и в И. ед. муж.). Здесь представлены, с одной стороны, *-ьил/-ьи* (только в № 160 [ср. XII]: *половьѣ, ризыѣ*), *-ьил/-иш* (напр., *шизыш*) и стяженное *-ьил/-и* (напр., *другыѣ*), с другой — *-оул/-еи* (напр., *цетвертои, нынецнеи*); подробнее см. § 3.20.

Другая морфологическая позиция, где встречается **-ьѣ*, — Р. мн. *i*-склонения, а также существительных типа *коробья*. Здесь в поздних грамотах находим, с одной стороны, *людшѣ* 142, *ѡ дѣтшѣ* 180, *лососшѣ* 258, *коробшѣ* 689 (3×), а также *лососѣ* 258, *таимени* 280, с другой — *цьѣ (чепеи)* 411, *коробьи (-еи)* 500, *коробеи* 136, *лососеи* 92, *дѣтѣи* 519, *ѡ людѣ (-еи)* 314, *людѣ (-еи)*, *рѣчѣи (-еи)* 496 (грамота с эффектом *e* → *ѣ/e*); ср. также ранний пример *фофоудѣ* 675 (XII₂), где за *ьѣ* стоит [ъ] или [ej], и *лоудѣ* 'людей' 870 (2 четв. – сер. XII) (то же самое, с той разницей, что [j] записан через *e*, а не через *и*). Менее ясны примеры: *дѣтѣи* 100, 353, *вѣстѣи* 286, *лососѣи* 260, *коробѣи* 937, *коробѣ* 162, 471. В части этих случаев графическая система грамоты допускает предположение о том, что *ѣ* здесь просто заменяет *и*, но по крайней мере в № 353 и 471 *ѣ* в остальном употребляется правильно. Не исключено, что некоторые из этих примеров отражают особый тип прояснения *ь* — в звук типа [ê], отождествившийся с фонемой *ѣ* (ср. Шахматов 1895: 150).

В И. ед. существительных мужского рода на **-ьѣ* в поздних грамотах находим в основном *-еи*: *рѣцѣи (-еи)* 390 (2×), *руцѣ (-еи)* 390, *Василеи* 699, *Ѡмбросеи* 570, *Ѡлофереи* 183, *Зѣнов[еи]* 308; *-иш* можно предполагать в *Сѣргѣи* 131. Особо стоят написания *Григорѣи* 417, *Сисинѣи* 930; они примыкают к группе написаний с *-ѣи*, рассмотренной выше. То же верно для прилагательного *старѣишѣи* (И. ед. муж.) 755.

Написания *Бѣжишѣ* 317, *Бѣжи* 519, *Бѣжи* 42, 138 малопоказательны.

Для внутрисловной позиции имеется только пример *възѣиду* 'взойду' 481 (XIII₂) из *възѣиду (где *ѣ* после *з* — аналогического происхождения); ср. *розеити* 'разойтись' в псковском источнике (Пск. лет., 2: 177), а также (см. Крысько 1994в: 20) *изѣидете* 'выйдите' в Ипат. ([1229], л. 257 об.).

Как показал С. Л. Николаев (1988: 121–128), в кривичском ареале особое развитие *ѣ* (в сторону *ы* или *э*) могло происходить не только перед [j], но и перед мягкими сонантами, отсюда отмечаемые в говорах этого ареала *адѣньѣ* и *адѣньѣ* 'одонье, стог сена', *вдыль* 'вдоль', *гылѣк*, *гилѣк* 'род сосуда', 'умывальник' (из *гьлькѣ*, производного от *гьльѣ), *малыньѣ* 'молния' (ср. § 2.12), топонимы *Подсосыньѣ*, *Закерье* и др. (сюда же *балѣньѣ*, *балыньѣ* из *bolъѣ, см. § 2.5).

По-видимому, в каких-то др.-новг. говорах сильный *ь* мог проясняться в *и* (или в закрытый звук типа [ê], см. выше) также и в некоторых других случаях. С этим явлением могут быть связаны следующие примеры (или хотя бы какая-то их часть): *бориць* 463 (2×) (из *борьць*), *правицикѣ* 154 (из *правьдѣцики*), *дѣнь* 'день' Ст. Р. 2 (исправлено на *дѣнь*), *бѣрковске* 718, *бѣрковскомѣ* 184, *смѣрти* 689, *д[ѣ](ржа)ца* 930, *Климѣць* 417, *вѣсь* 697, *деревѣцкѣ*, *кълм(ен)[ѣ]цкѣ* 580. Возможно, сюда же нужно отнести примеры *хрѣстьянѣ* 242, *хрѣстьянѣ* 307 (ср. *хрѣстьяни* 310 и др.); но в *хрѣстьяни* 540 представлен просто книжный вариант данной основы.

Отпадение конечных гласных (не редуцированных)

§ 2.28. Очень рано конечное *и* (после гласной), восходящее к *jь или *ji, превратилось в [j] (т. е. последний слог перестал быть слогом). На письме это могло отражаться в том, что вместо конечного *и* писалось *е* (§ 1.12). Древнейший пример: *вьдае* 566 (1080-е гг. – 1 четв. XII). Примеры XII в. (не считая двусмысленных): *вокъе* 644, *вьдае* 113, 231, 456, *водае* 227, 296, 624, *прода[е]* 163, *ошее* 809, *ее* 'ей' 723, *лоудье* 'людей' 870, *дьские* (из *дѣтьскыи*, В. ед.) Торж. 13; ср. также *дае* Звен. 2. Конец XII – нач. XIII: *въ първое* 'в первой', *въ дрѣгее* 'в другой' 438, *сватее* (Д. ед.), *ко нее же* 705; вероятно, сюда же *Матее* 'Матей' 439.

Берестяные грамоты свидетельствуют также об отпадении безударного конечного *и* после согласной в ряде глагольных форм.

В 2 ед. презенса первые примеры с <*-шь*> появляются со 2 пол. XII в. В период с 60-х гг. XII по начало XIII в. отмечены *вьдаешь* 794, *истерашь* 809, *воземше* 227, *моловише*, *не оуправише* 705. В дальнейшем доля таких примеров неуклонно возрастает, и с 60-х гг. XIV в. уже полностью господствует *-шь* (подробнее см. § 3.30).

В инфинитиве *-ть* отмечается начиная с *исправить*, *буть* 'быть' в блоке № 61+68 (40-е – 70-е гг. XIII). Доля примеров с *-ть* со временем растет и в XV в. составляет уже около 60% (см. § 3.34).

В императиве первые примеры с <*-ь*> вместо *-и* появляются приблизительно в то же время, что и для 2 ед. презенса: *оправ[ь]* 850 (ок. 1148 г.), *ополош* Ст. Р. 10 (XII₂), *молове* 531 (XII/XIII). В дальнейшем, однако, доля примеров с *-ь* растет довольно медленно: в XIV–XV вв. она составляет около четверти (см. § 3.32).

В случае, когда те же самые окончания находились в др.-р. эпоху под ударением, они почти всегда сохраняют *и*: *ити*, *възати*, *вези*, *проси* и т. д. В 2 ед. презенса ударение на *-иш*, реконструируемое для акцентной парадигмы *с*, по-видимому, рано сменилось ударением на предпоследнем слоге; но словоформы *кши*, *даси* сохраняли конечное ударение, и они в нормальном случае представлены с *и*.

Имеются лишь следующие отклонения: *взати* 578 (60-е – 70-е гг. XIV), *късь* 446 (XIV₂), *поидь* 942 (посл. четв. XIV); они свидетельствуют о том, что в этих словоформах произошел сдвиг ударения на корень. (Ранний пример *не с[ь]ль* Ст. Р. 6 сомнителен, см. Б 30).

О возможности отпадения конечной гласной в аористе свидетельствует пример *бъше* <*-шь*> 809 (3 четв. XII) — из *бъша*.

В окончании Т. ед. жен. *-ою* со временем утрачивается конечное [у]. Примеры написания *-ои* (*со женои*, *за Лукои* и т. п.) отмечаются начиная с последней четверти XIV в., см. об этом § 3.4.

Случаи утраты конечной гласной отмечаются также у многих неизменяемых слов. Приводим материал (ненадежные примеры опущены). *Домовь* 'домой' 421 (XII₁) — ср. *домови* 176 (сер. XII). *О[ть]* 844, *ѡ* (= *оть*) 809 (обе XII), *оте* <*-ть*> 705 (нач. XIII), *оть* 411 (кон. XIII) — *оти* 82, 235, 635, 798, 805 (все XII), 346 (кон. XIII). *Ать ти* 502 (XII₂), *атно* (из *ать но*) 318 (XIV) — *ати* 527 (XI), 890 (XII), *ати но* Ст. Р. 7 (XII). *Дать да* 'пусть же' 852 (XII), *дать* 'чтобы', 'пусть' 5, 53, 361 (все XIV), *дате* <*-ть*> 142, 567 (обе XIV), *дад бы* (из *дать бы*) 413 (XV) — *дати* 745 (XII), *дати бы* 389 (XIV). *То те* <*ть*> 531 (XII/ XIII), *нѣту ть* 322 (XIII/XIV) — *то ти* 915 (XI), 384, 644, 675, 737, 776, 812, 835 (все XII), 293 (XIII). *Пако* <*-къ*> 531 (XII/XIII), *пакъ* 69 (XIII₂) — *пакы* 227, *пакы ли* 295, 705, *пакы жь ли* 510 (грамоты XII в. и XIII₁). *То бь* 282 (XIV), *на прав[ку] бь* 469 (XV) — ср. более обычное *бы*. *Надобь* 363, 17, *нынь* 697

(грамоты XIV и XV вв., без смешения *ь* с *ѣ*, *е*) — ср. более обычные *надобѣ*, *нынѣ*. *Нѣтъ* 49 (XV) — ср. более обычное *нѣту*. *Какъ* 364 (2×), *такъ* 697, 521, *сѣмь* 282, 19, *симь* 354, 173 (грамоты XIV и XV вв., без замены *о* на *ѣ*) — ср. более обычные *како*, *тако*, *сѣмо* (*семо*).

Сюда же относятся случаи утраты конечной гласной в показателе возвратности -*са*: *ростагались*, *а то диялось*, *а то са диялось* 154, *а то деллось* 496, *возилсь* 300 (грамоты XV в., без смешения *ь* и *е*).

Как можно видеть, в приведенном списке фигурируют почти все возможные гласные. Некоторые примеры утраты конечной гласной относятся к весьма раннему времени, но основная масса — к XIV–XV вв.

§ 2.29. Отпадение гласной наблюдается не только на конце словоформы, но в некоторых случаях также на конце первой части сложного имени. Примеры такого рода отмечаются с весьма раннего времени: *ѿ Солмира* Ст. Р. 7 (*Солѣ*миръ из *Солимиръ* или *Сулимиръ*), *оу Стоинѣга* Ст. Р. 36, *ѿ Стѣнѣга* 384 ([стој-] из [стоји-]), *оу Воислава* 509 ([вој-] из [воје-]), *къ Моиславоу* 548 ([мој-] из [моје-]); все эти грамоты относятся к XII в. Может быть, к этому же ряду принадлежат *оу Станьмира* 630, *къ Лоудьславоу* 113, *ѿ Мирслава* 502, Ст. Р. 17 (но здесь возможны и иные объяснения, см. Б 13, 69, 93, 123). Из более поздних примеров отметим *ко Ратмироу* 334 (XIII), *Ратмирѣ* 346 (кон. XIII) (вероятно, из *Ратимиръ*, см. В 34), *ѿ Рацлава* 262 (XIV) (из *Ратиславъ* или *Радославъ*), также производное *Рацлала* 260 (XIV). Ср. топонимы *Рославль* (из *Ростиславль*), *Вьшигородъ* (из *Вьшегородъ*) и др., также в НПК: *Радгостицы* (III, 199, 276), *Ходгостицы* (III, 687), *Нежгостицы* (V, 341) и т. п.

Данное явление сходно с тем, что наблюдается, в частности, в древнепольском и древнечешском, ср., например, др.-польск. *Kaźmir*, *Budźwoj*, др.-чеш. *Buclav*, *Václav* и т. п. По-видимому, первая часть сложного имени обладала определенной степенью самостоятельности, в силу которой здесь могли развиваться те же процессы, что в самостоятельных словоформах.

Переход *e > 'o*

§ 2.30. Переход *e > 'o* (в котором участвовало как исконное *e*, так и возникшее из *ь*) происходил перед твердой согласной и не зависел в др.-новг. диалекте от места ударения. Отражения этого перехода на письме появляются с середины XII в. После шипящих: *жо* 847 (сер. XII), *ажо* 815 (3 четв. XII), *ожо* (исправлено на *оже*) 105 (60-е – 90-е гг. XII); сюда же *поцостое* Ст. Р. 17 (XII₂) (по-видимому, из **почьстое*, т. е. с *о* из *ь*, не выпавшего из-за скопления согласных). После других согласных: *ѣрокль* 'заявил' 724 (1161–67 гг.), *[л](e)родо собож* 150 (кон. XII – 1 четв. XIII) (в обоих примерах *ро* передает [p'o] или [po]), *Потру*, *тенота* Ст. Р. 30 (XII₂); в *гривоно* Ст. Р. 30 *во* скорее передает [v'o], чем [w], ср. рядом *гривено*. В грамотах XIII в. встретились: *серобро* 420, *цого* 68, 765, *полушоко* (2×) 775; в *гривоно* 349 *во* передает либо [v'o], либо [w].

В XIV–XV вв. написания с *о* после шипящих довольно часты (*цоломъ*, *цоловѣкъ*, *цого*, *цому*, *с плацому*, *жолтого*, *жона*, *жонку*, *зобижона*, *шолкоу* и т. п.). Но *о* встречается и в других случаях: а) после *р* (где можно предполагать не только переход *e > 'o*, но еще и отвердение [p'], ср. выше) — *церось* 474, *Щекарова* 260, *перостави* 283, *беросто* 27 (2×), *з беростомъ* 40, *Терохъ*, *ѿ Тeroxa*, *въ Тeroxo(ѣѣ)* 300 (ненадежно [ч]оронами 167, см. Г 53); б) после других согласных — *ѿ Потра* 53, *зелоного* 288 (2×),

ѡ ного 370 (2×), *Олоскадру*, *Стопана* 528, *нобомь* 'небом', *к ному* 10, *рублово* 256, *людомь* 'людям' 364, *Потра*, *Смону* 949, *цетворты*, *Стопане* 169, *оть Смона*, *Стопаномь* 413 (относительно примеров с *ло*, фигурирующих в этом списке, см. также § 2.44); сюда же *поедьмь* 'поедем' 252 (*дѣ* вместо *до*), возможно, также *гривонь* Ст. Р. 2 (если только *во* не передает здесь [w], ср. выше о примере *гривоно* 349), *съ затомь* 568 (если только это не переход основы в твердый тип).

Имеются также следующие примеры для конечной позиции (все в грамотах XV в.): *ещо*, *здесо* в № 494/469, *здѣсѡ* 19.

Кроме того, есть несколько примеров для позиции перед мягкой согласной, но они недостаточно надежны: в *на хомолоу* 'на хмеле' 575 (XIII₁) и *воликомо* 'великом' 2 (XIV₂) *мо* и *во* могут быть и простыми описками под влиянием предшествующего или последующего *о*; в *ѡкрадони* 'обокрадены' 370 (XIV₂) за *ни* в принципе может скрываться и ⟨*ны*⟩ (ср. в этой же грамоте *ми* 'мы').

Переход *ѣ > и*

§ 2.31. Замены *ѣ* на *и* на письме (или взаимную мену этих букв) нельзя объяснить собственно графическими причинами (в отличие от мены букв *ѣ* и *е*); см. об этом Лингв., § 19. Эти замены отражают переход *ѣ > и* (в одних говорах всеобщий, в других ограниченный определенными позициями).

Находки последних лет позволяют отнести начало этого перехода к несколько более раннему времени, чем предполагалось ранее. Ныне самые ранние надежные свидетельства этого перехода — *ризано* 'резан', *дови осмиши* 'две осмины' в грамоте № 810 (3 четв. XII). Следующие во времени: *ниви* 'нивы' Варл. (1192–1210 гг.), *дови* (2×), *гривши* (вм. *гривъши*), *ногаи* (вм. *ногати*), *бѣли* в блоке 219 (кон. XII – 1 четв. XIII), *ѡ Гюрьгева старости* 935 (то же время). Почти во всех этих случаях *и* из *ѣ* представлено в окончании; однако исключительно важный пример *ризано* 810 показывает, что этот переход был уже возможен и в корне, причем даже перед твердой согласной.

В свете этих данных можно теперь с несколько бóльшим доверием отнестись к некоторым не столь надежным примерам. Так, по-видимому, *била* 230 — это 'бела' (см. Б 117), *Клѣма[т]*... 823 — это имя *Климата* (Б 132). В *нитоу* 222 и в *уо Голуози* Ст. Р. 14 *и* вполне может быть из *ѣ* (но в *грѣвенѣ* Ст. Р. 19 [2×] первый *ѣ* — это всё же скорее всего описка, а именно, предвосхищение второго). Добавим сюда еще *нии* 788 (вероятно, = *ниѣ*). Представляет интерес также *ко Ростили* Торж. 8 (XII₂) — в новоторжской грамоте.

Отметим, что в Синод.¹ НПЛ замена *ѣ* на *и* представлена только в следующих случаях: *Мирошки* (Д. ед., [1189]), *Лоукини* (*оу Лоукини оулицы* — 'в' М. ед. или 'у' Р. ед., [1194]), *оулки* (*въ Чьглове оулки*, [1194]), *въ Пльтьнѣ|кихѣ* [1197]. Менее показательно *Людини* (*въ Людини коньци*, [1194]), поскольку здесь основа могла быть мягкой (т. е. название могло осмыслиться как притяжательное от *людинъ* 'человек'), ср. *Людинъ коньць* [1220], *съ Людинемь концемь* [1218], также в Комисс. НПЛ: *Людинъ конець* [1194, 1425, 1433]. Все приведенные примеры с *и* из *ѣ* входят в отрезок, принадлежащий, по А. А. Гиппиусу (см. § 1.1), летописцу архиепископов Гавриила и Мартирия (события 1187–1199 гг.). Для этого летописца характерно широкое использование новгородских диалектных форм (значительно большее, чем у его предшественников и преемников). Как можно видеть, его материал не противоречит показаниям берестяных грамот.

В заметном количестве берестяные грамоты со смешением *ѣ* и *и* появляются лишь со 2 пол. XIII в. В дальнейшем их доля возрастает, см. диаграмму II (§ 1.9).

В ряде случаев в грамотах отражается переход *ѣ* в *и*, ограниченный лишь определенными позициями. К сожалению, краткость берестяных грамот не позволяет надежно установить позиционное распределение такого рода, используя материал отдельной грамоты (хотя в части случаев ситуация в отдельной грамоте и обладает некоторой наглядностью, см. соответствующие комментарии к конкретным грамотам во второй части книги). Но если взять всю совокупность грамот, смешивающих *ѣ* и *и*, то видно, что: а) в окончаниях *и* на месте *ѣ* пишется заметно чаще, чем в основах (обычно речь здесь идет просто об окончании *-ѣ*); ср. также выше разбор ранних примеров замены *ѣ* на *и*; б) перед мягкими согласными такая замена наблюдается чаще, чем перед твердыми. О возможности особого поведения *ѣ* в позиции после [j] см. § 1.9.

Выпадение гласной после гласной

§ 2.32. Начальная гласная слова после проклитики, оканчивающейся на гласную, в некоторых случаях могла выпадать. Самые ранние примеры — *а троке* ‘а отроков’ 831 (2 четв. XII), *до сени* ‘до осени’ 724 (1161–67 гг.). Более поздний материал: XIII — *а ное* ‘а иное’ 61; XIV — *по бѣ* (‘по обе’) *стърѣнѣ* 580, *оу Врама* ‘у Оврама’ 689; XV — *у ных[ѣ]* ‘у иных’ 242, *а ныхъ* ‘а иных’ 466, *у Вана* ‘у Ивана’ 495. Ср., например, в Ипат.: *до бѣда* ‘до обеда’ ([1133], л. 110; = *dobeda* Фенне, 340), *а ное мѣгдаи* ([1150], л. 145), *а ныхъ не хочемъ* ([1175], л. 210); также в Вопр. Кирик.: *и ѣтископа прошавъ и нѣхъ* (ст. 45), *ко номоу* ‘к иному’ (Саввино 18; ср. в той же статье *ко иномоу*); в Синод.¹ НПЛ: *Водовиковъ дворъ и села и браг его Михала и Даньсла^в и Борисовъ тысячьскаго и Творимириць и ныхъ много дворовъ* ([1230], л. 112); в Новг. IV лет.: *они в Новгородъ, а ни ко Пьскову* [1167]; в Пск. 3 лет.: *а инѣхъ раниша, а ни разбѣгошася* [1456].

Имеется также пример лексического закрепления рассматриваемого фонетического перехода: *дѣт[ѣ]кѣ мо[и] зоби[ж]соны, жона мо[и] зоби[ж]сона* 474 (XIV/XV); здесь *зо-* из *изо-* выступает уже не после проклитики, т. е. вариант *зобижен-* (первоначально позиционный) приобрел самостоятельность. Может быть, сюда же *стора* (вместо *истора*) 374 (XV) (чтение ненадежно, см. Д 33).

Сходное явление изредка отмечается также внутри словоформы, ср., например, *оу Шюги* 689 (XIV) (вариант имени *Шюига*, т. е. ‘левша’; в НПК встречается и *Шуйга* и *Шуга*), *подеть* ‘пойдет’ (ГВНП, № 14, 1327 г.), *не bos* ‘небось’ (Фенне, 247) из *не боиса*. К сожалению, в ряде случаев неясно, имеем ли мы дело с фонетическим явлением или с необозначением [j] на письме, ср. *перемѣ* ‘перейми’ 463 (XIV), *в[о]скои* (повидимому, от *воискии* ‘войсковой’) 254 (XIV) и т. п.

Особый частный случай рассматриваемого явления — слияние союза с местоимениями. Хорошо известна возможность утраты *о* после союза *и* в сочетаниях *и онъ, и она, и они* и т. д. Примеры типа *ини* (= *и они*), *инѣ* (= *и онѣ*) широко представлены, в частности, в документах московского происхождения, но встречаются также и в новгородских источниках (подробнее см. Попр.–IX, № 328). В берестяных грамотах отмечены (XIV в.): *ине* (= *и оне*) 328 (И. ед. или И. мн.), *инѣ* (= *и онѣ*) 697.

По-видимому, аналогичное явление было возможно также в сочетаниях *а азъ* и *а изъ*, а именно, оба эти сочетания могли реализоваться в виде *азъ* (ср. Вермеер 1997б: 93). Основания для такого предположения таковы.

Рассмотрим те фразы из берестяных грамот (кроме стоящих в начале основного текста грамоты или прямой речи), которые начинаются с *язь* (*я*) или с союза + *язь* (*я*). Среди них примеры с союзом решительно преобладают: их 64 из 78; при этом господствует союз *a* (47 случаев из 64). Из 14 примеров без союза 12 приходится на следующие три случая:

а) *язь* имеет после себя частицу *ти*, при наличии которой употребление союза *a* становится факультативным (поскольку сочетания *язь ти* и *a язь ти* в значительной мере синонимичны), — № 380, 439; пример: *азо ти олово попродаде* 439;

б) предложение с *язь* (*я*) стоит после условного или относительного придаточного — № 193, 289, Твер. 2 (все три XIV в.; в XIV в. союз *a* в данной синтаксической позиции уже не употребляется); пример: *a что даше провоза, азо во томо* Твер. 2;

в) предложение с *язь* (*я*) стоит после “смыслового двоеточия” (т.е. указывает причину сказанного перед этим; союз *a* неуместен) — № 644, 421, 68, 377, 148, 749, Твер. 1; пример: *пойди за мьне: азъ тьбе хоцю, а ты мене* 377.

Таким образом, для берестяных грамот нормально, чтобы *язь* (*я*), стоящее в начале непервой фразы текста, имело перед собой союз (чаще всего *a*). Отклонения практически не выходят за рамки указанных особых позиций, неблагоприятных для использования союза *a*.

Добавим к этому наблюдение над заключительными формулами вежливости. Значительная их часть начинается с *язь* (*я*) и тем самым просто подчиняется приведенным выше правилам; но они могут начинаться и иначе. В берестяных грамотах отмечено 28 примеров заключительных формул (не считая грамоты № 931, о которой см. ниже, примеров с поврежденным началом и примеров со вставным *кланяюса* в значении ‘прошу’); из них 24 начинаются с союза *a* и 3 с союза *и*, например: *a азъ тобѣ цоломъ бью* 467, *a язь тобѣ своѣму гѣу цоломъ бью* 243, *a на томъ тобѣ цоломъ* 370, *a азо тебе много кланяюса* 414, *a вамъ кланяюса* 708, *a азо са кланею* 344, *a тебе са кланяю* 175, *и кланяю ти са* 809.

Рассмотрим теперь имеющиеся в берестяных грамотах примеры словоформы *азъ*. В основном это формула *се азъ* в черновиках завещаний (6 грамот); здесь это явный и совершенно уместный церковнославянизм. Но кроме того, *азъ* встретилось в грамотах № 705 (нач. XIII), 305 (XV), 496 (XV), 931 (XV), ни одна из которых не имеет книжной окраски. Во всех четырех случаях: а) *азъ* стоит в самом начале фразы; б) эта фраза такова, что аналогичные ей (по смыслу и по синтаксису) фразы, содержащие словоформу *язъ*, всегда или почти всегда начинаются с *a язь*.

Так, в № 931 заключительная формула вежливости имеет вид *a|язъ тобѣ целомъ бью*. Отсутствие союза *a* нарушает здесь как общую статистическую закономерность, так и частное правило, касающееся формул вежливости.

Союз *a* перед *азъ* был бы уместен по смыслу и в остальных трех примерах.

В № 496: ... *[da] d[в]оръ разграбили, да и людѣи нѣрѣбили нѣрѣкололи; азъ в томъ сѣлѣ [н]ѣ одинъ бы^л; а то делось всю нѣделю до Прокла* 496. Та же самая формула использована в грамоте № 548, но здесь она имеет вид *[a] азо не едино быть*.

В № 305: ... *у мнь коня познали, i [a o](сподинь коню зову, i сви oсподинь коню нѣдѣ; a|язъ oсподинь в томъ кони по(ручникъ) ...* Здесь отсутствие союза *a* воспринимается уже просто как странность.

В № 705: *оце е тебе н[e] годена, а попроводи ко мене сестроу; азъ были лони наделиле, а ныне быхо посолале; а ныне слышо болену сестроу ...* В этой грамоте в соответствии с нормой народного синтаксиса почти каждая фраза начинается с *a*; на этом фоне резко выделяется фраза с *азъ*.

Ни один из четырех примеров с *азь* не относится к указанным выше особым группам («а» – «в»), где отсутствие союза нормально. Иначе говоря, все они попадают в число отклонений от обычного синтаксиса берестяных грамот.

Можно было бы предположить, что избегалось само сочетание *а азь* или что оно стягивалось в простое *азь*; в самом деле, обращение к древнерусской книжной письменности показывает, что сочетание *а азь* (со смысловой точки зрения вполне нормальное) в ранних памятниках не встречается почти никогда. Но во всех четырех рассмотренных грамотах нарушением общих норм оказывается не только отсутствие союза *а*, но и употребление церковнославянизма вместо собственно русского варианта *язь*.

Решение, по-видимому, состоит в том, что *азь* могло выступать не только как эквивалент *а азь*, но и как эквивалент *а язь*. При этом необязательно предполагать поздний переход [aja] в [a]; вполне возможно, что перед нами достаточно раннее явление, т. е. что стяжение *а азь* в *азь* факультативно осуществлялось уже в тот период, когда *азь* еще не развило протетического [j], и в дальнейшем сосуществовали две реализации сочетания со значением 'а я' — *а язь* и *азь*.

Изменения *и* и *о* после проклитик с *ъ*

§ 2.33. После проклитик, оканчивающихся на *ъ*, начальное *и* и *о* в ходе падения редуцированных подвергается изменению. Начальное *и* в этой позиции в нормальном случае переходит в *ы*. Самый ранний пример: *с ызветомо* 531 (XII/XIII). Прочие примеры: XIII — *в ыномо* 213, *к Ызнату* 765, *к Ыгначу* 695; XIV — *в ызьезьнои* 366, *с ызв[ѣ]томо* 744; XV — *с Ылова* 310, *с Ываномъ* 154.

Указанный эффект наблюдается также после [w] в тех случаях, когда предлог у перед гласной реализуется в виде [w] или [uw] (см. § 2.45, 2.55): XIV — *оув Ыванка* 102, *оув Ыванова* 539; XV — *оув Ывѣка* 521, *у его сына в Ысака* (ГВНП, № 256).

Отмеченные в XV в. примеры *к Ивану* 473, *к Исаку* Ст. Р. 2, *к [и]гумну* 933, по-видимому, отражают переход *кы* в *ки* (§ 2.53), который в соответствующем говоре распространялся и на такую позицию. Такое же объяснение допустимо и для *к Июрию* 354 (XIV); но в этой грамоте встретилось также *в Июрикѣвъ*, поэтому возможно, что в обоих этих примерах *и* после предлога — просто дань нормативной орфографии.

Существовал, правда, также другой способ развития рассматриваемого сочетания — с прояснением *ъ* в *о* (и в этом случае для перехода *и* в *ы* уже не было оснований). Он хорошо засвидетельствован в книжных памятниках; ср., например, в Вопр. Кирик.: *со инѣмь*, *со инымь*, *ко иномоу*, *ко иного общению* и т. п. (часто).

В берестяных грамотах имеется ряд примеров, которые внешне выглядят так же: XII₂ — *ко Иванокуо* 80, *ко Иванокоу* 117, *ко [И](ѡ)анокоу* 226; XIII — *со [и]ксоа* (вместо *со исксоа*) 211, *со изросты* 483; XIV — *ко Илину дни* 134; ср. также *ко Илие* Твер. 5. Но во всех этих грамотах имеется графический эффект *ъ* → *о*, поэтому *ко*, *со* могут стоять просто вместо *къ*, *съ*. Буквы *ы* после *ко*, *со*, конечно, ожидать не приходится, даже если произносилось [ы]. Поэтому неизвестно, что стояло, например, за написанием *ко Ил(ѡ)ину*: [ко и-] или [кы-]. Таким образом, вопрос о том, отразилось ли в берестяных грамотах развитие по модели [ко и-], пока остается открытым.

Двусмысленны также написания с *ѡ* типа *ѡ Исаа* 645, *ѡ Иева* 148, равно как *ѡгмакъть*, *ють* 477. Особый случай составляет *възъиду* 481, см. § 2.27.

Для проклитик *из(ъ)*, *без(ъ)*, первоначально не имевших *ъ*, в данном пункте в берестяных грамотах нет материала, если не считать *из истеления* 419 (XIII/XIV) в ц.-сл. тексте.

§ 2.34. Начальное *o* после проклитик с *ъ* могло развиваться несколькими путями, а именно, *ъ + o* могло давать: *o*, *oo*, *a*, *aa*. Первый вариант отражают написания типа *к Оситу*. Самые ранние из них — *в Ошевь* 788, *к ОнотанѸ* 670, *к Олисьевѣ* 502 (все XII₂); в дальнейшем они становятся самыми распространенными.

Второй вариант выявляется с меньшей очевидностью, так как за написаниями типа *ко Офоносу* в принципе может стоять и первый вариант. Наиболее показательны здесь примеры с *oo* из грамот, где в остальном смещения *ъ* и *o* нет. Таковы: XII₂ — *ко Онание* Ст. Р. 10; XIII — *ко Ѡгафоноу* 420, *ко ѠстаѠши* 481; XIV — *ко Ѡнаніи* 279.

Третий вариант до недавнего времени был в русистике неизвестен. Он представлен примерами: XII₂ — *к Аврамоу* 550; кон. XII – нач. XIII — *в асьмыи дѣвъ* ‘в восьмой день’ в надписи на стене собора Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря; XIII — *к атцєви* 404, *к АноѠимоу* Пск. 6; нач. XIV — *в Акосово* 55, *с Афремовими* (исправлено из *соѠлемовими* путем надписывания букв) 191. Сюда же *сарати* ‘спахать’ 211 (XIII), *возарало* ‘вспахал’ 756 (XIV), где данный эффект наблюдается после приставки, а не предлога (причем приставка *въз-* выступает во вторичном варианте *възь-*). Возможно, сюда же относятся *ѡ Аньдрѣа* 724 (1161–67 гг.), *ѡ Афанаса* 152 (XII/XIII), *ѡ Аврама* 139 (XIII). Подробнее о переходе *o* в *a* после *ъ* см. Изуч. яз., § 51.

Четвертый вариант представлен примером *ка Афиміе* 657 (XII₂; см. Б 86 о пересмотре прежнего чтения данного словосочетания). К нему примыкает также пример несколько иного рода — *ка Ан[и]* 377 (XIII), где выступает имя с исконным начальным *a*, а не *o*, т. е. изменение здесь затрагивает только предлог *къ* (см. также В 23 о чтении этого места).

Для проклитик *из(ъ)* и *без(ъ)* материал очень скуден: в *[из] оцью* 752 (XI/XII), *из ѡрмище* 854 (сер. XII) сохраняется их древний вид; в *безо отоступа* Ст. Р. 30 (XII₂) выступает уже вторичное *безо*.

Переход *ы > у*

§ 2.35. Отмечены случаи перехода [ы] в [у] после губных согласных: *воудоро* ‘выдр’ 713 (XIII₁), *буть* ‘быть’ 68 (XIII₂). Ср. *обумати* ‘обнимать’ (Вопр. Кирик., ст. 78) из *обымати* (где *ы < ѡи*), также отмеченные в НПК топонимы *Вудрино*, *Вудрицы* и др., с *вудр-* из *выдр-* (см. Б 104). В современных псковских говорах отмечены, в частности, *вудра* ‘выдра’ (Пск. слов., 5: 100), *було* ‘было’ (там же, 2: 236, 237).

Переход *'a > e*

§ 2.36. Отмечены случаи перехода [a] в [e] между мягкими согласными: XII₁ — *възьль* (<*възеле*) ‘взял’ 864 (если только это не описка); XII₂ — *Гюрѣти...* (из *Гюрят-*) 947; XIII₂ — *восопрашееть* 68; XIV — *са кланею* 344, *колонеюса* ‘кланяюсь’ 501, *попечелилеса* 167, *метель* ‘плащ’ (из *матель*) 418; XV — *елали* (вероятно, из *явлали*) 374 (пример ненадежен). В *кюриѣскаа* ‘кирьяжская’ 248 (XIV/XV) данный переход, очевидно, произошел еще до утраты [ж’], т. е. до упрощения [ж’с] в [с]. См. также Б 78 о возможных интерпретациях отрезка *попрѣдьно* (или *по прѣдьно*) 638.

Особое явление (природа которого еще окончательно не установлена) представляет собой *e* вместо *a* в возвратном местоимении, т. е. *се* вместо *са*. XIII/XIV — *мы се ведаемо* Пск. 7 (но здесь *се* истолковывается неоднозначно, см. В 40). XIV — *атно се замѣшите* 318, *изгодице* (дц!) 281, *кланяемсе* (вместо *-мсе*) 406. XIV/XV — *се гро-*

зитьце (с двойным *се*), *порадилесе*, *понаболесе* 359; сюда же *печалесь* 135, если *-лесь* здесь равно *<-лесе>*. XV — *на мене се или, на мене се не на[дѣ]и, ве[д]лесе* 25, *не угодице* 21, *какъ се ... мною попецалуете* 49, *како сѧ ... нами ... попецалишисе* (с двойным возвратным местоимением: первый раз *сѧ*, второй — *се*) 310, *се деало* 521.

Кроме того, в берестяных грамотах отмечено несколько примеров с *си* вместо *сѧ*: *нь дьциси* 68 (XIII) (правда, здесь возможно и исконное дативное *си*, см. В 16), *жс[б]и[юси]* 356 (XIV), *продасци* ‘продастся’ Ст. Р. 2 (XV). Отметим в этой связи, что в настоящее время в новгородских говорах на фоне преобладающего [с’а] довольно часто встречается также [с’и], несколько реже — [с’е]; в псковских говорах представлены в основном [с’а] и [с’и] (см. ДАРЯ, II, карты 104, 106, 107, 108).

Ныне можно указать также один пример, причем весьма ранний, такого же эффекта в словоформе *та* (если только это не описка): *и челую те* 858 (2 четв. XII).

Вопрос об аканье

§ 2.37. Аканье и яканье отражаются в новгородских берестяных грамотах лишь в очень незначительной степени; очевидно, это связано с тем, что эти явления были известны лишь в некоторых периферийных частях др.-новг. зоны.

Вполне заслуживает доверия здесь в сущности всего один пример: *въ Здарьвек* ‘в деревне Здравье’ 580 (сер. XIV).

Ранний пример *оу Даброжсира* 228 (XII₂), возможно, представляет собой всего лишь описку (ср. *давате* ‘девятъ’ в той же строке этой грамоты). *С посто* 411 (кон. XIII), по-видимому, равносильно *с проста* ‘сразу же’; но окончание *-о* может здесь объясняться и морфологически (см. В 34).

Все прочие примеры, где *а* стоит вместо *о* или наоборот (*прадаи* 900, *ѿ папа* 87, *на Баране* 761, *резоно* 215, *поклонимасѧ* 419, *дѣтьскамоу* Ст. Р. 8, *дѣцьскамоу* 222 и др.), непоказательны: одни из них являются описками, другие объясняются морфологически. Относительно примеров типа *к атцєви* 403 см. § 2.34.

Что касается смешения на письме *е* и *ѣ* с *а* (главным образом в конечной позиции), то в псковских памятниках начиная с XIV в. это явление представлено уже довольно широко (см. Соболевский 1884: 145–147, Каринский 1909: 150–156). Ограничимся немногими примерами, представляющими для нас специальный интерес.

Для **е*: *испращиваюца* в записи в псковском параклитике 1369 г. (Соболевский 1884: 124), *исправѣта* в записи в псковском параклитике XIV–XV в. (Каталог ЦГАДА, 2: 210, № 109) и т. п. То же в И. ед. муж. на **-е* — *поцела* ‘начал’ (из *пóчале*) в приписке XIV в. к псковскому прологу 1 пол. XIV в. (там же, 2: 260, № 133), *снигъ пала* ‘снег выпал’ в приписке XIV–XV в. к псковской минее XIII в. (там же, 1: 101, № 38), *двора* ‘двор’ (Мар., № 33, 1417–21 гг.), *Филипя попя* ‘поп Филипп’ (ГВНП, № 343), *Микифоря* (ГВНП, № 342), *Иевя, островкя* (Мар., № 11) и др.

Для **ѣ*: *при Кострома, оу Кирьянига* (из *-ѣ*), *въ пучина, на древа, въ чрева* в параклитике 1369 г. (Соболевский 1884: 124, 126), *Савѧ попу* в записи к псковскому евангелию 2 пол. XIV в. (Каталог ЦГАДА, 2: 157, № 65), *рабоу Бѣбю Лоукѧ* в записи к псковской минее 2 пол. XIV в. (там же, 2: 178, № 80).

Специально отметим, что во всех этих примерах (в том числе и в *двора, попя, островкя, Кострома, Лоукѧ*) конечный слог в псковском говоре мог быть безударным (см. Зализняк 1985, § 3.9–10). Соответственно, вопреки распространенному мнению, в псковском материале нет надежных примеров собственно фонетического

смешения *e* (или *ѣ*) с *a* под ударением, т. е. нет оснований усматривать здесь нечто отличное от яканья.

В материале новгородских берестяных грамот подобны этим псковским примерам написания *Иевька*, *Стопана*, *Акова*, *продала* в грамоте № 528 (XIV₂), см. Г 50. Если неясное *во вѣса* 414 (сер. XIV) действительно означает 'в весе', то этот пример относится сюда же, см. Г 20.

Прочие явления

§ 2.38. После падения конечных редуцированных в конечной группе «согласная + сонант» может появляться вставная гласная. К сожалению, из-за характерного для бытовых систем смешения *ь* с *e* и *ѣ* с *o* показания берестяных грамот в этом пункте в большинстве случаев не вполне надежны; например, за написаниями *есемо* 644 (XII₁), *есьмо* 226 (XII₂), *есьмь* 231, 723 (обе XII₂) в принципе может стоять как [jes'ем], так и [jes'm], за написанием *есьмь* 682 (XII₂), 296 (XII/XIII) — как [jes'ем'], так и [jes'm']; аналогично *осьмь* 'восемь' 223, 724. Относительно надежными свидетельствами присутствия вставной гласной можно считать: 2 четв. — сер. XII — *есьмь* 834 (грамота с полным сохранением исконных редуцированных и без смешения *ь* с *e*); XIII — *юсомо* 211; XIV — *юсомь* 178, *юсемь* 937, *юсемо* 196, *юсемь* (5×), *рубель* (2×) 689, *рубеле* 254, *рубль* 366; XV — *рубель* 374, *мьсель* (*ѣ* вм. *ы*) 19.

В *Щцифороцю* 362 (XIV₂) и *Михаилоцю* 307 (XV₁) отразилось выпадение слога *ви* в отчествах; ср. современные разговорные *Михалыч*, *Иваныч* и т. п., где *-ыч* — замена более раннего *-оч*. Очевидно, это изменение первоначально осуществилось в беглом произношении. В *бласлови*, *бласловило* 831 (XII₁), *бласловл(ен)ицъ* 757 (XIV₂) отразилось выпадение слога *го*, который в этом церковном слове произносился как [yo]. Относительно *присиквали* 20 (XIV₂) (вероятно, из *присѣкывали*) см. § 5.12.

На месте слога *хо* в некоторых случаях обнаруживается *хе*: на *Волхевьци* Варл. (1192–1210 гг.; ср. здесь же *Волховомь*), *хедьле* 'ходил' 131 (XIV); ср. также диалектный вариант *херугвь*, *херугва* при *хоругвь*, встречающийся как в говорах, так и в памятниках, например: *хероуговь* (В. ед.) 891, *хероугви* 893об. при *хороугви* 1219об. (3×), *хороугви* 893об. в лицевом хронографе конца XVI в. (РГБ, ф. 98, № 202). Можно предполагать здесь свойственное каким-то говорам фонетическое изменение *хо* в *хе*, точные условия которого не выявлены.

О переходе *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* (где изменение затрагивает одновременно согласную и гласную) см. § 2.53. О возможности перехода *у* в [w] или [uw] см. § 2.45 и 2.55. О неясных примерах с *a*, *и* вместо *ак*, *ик* см. Б 15, В 22.

КОНСОНАНТИЗМ

Переход *вл' > л'*

§ 2.39. Первый из имеющихся ныне примеров этого перехода — *испралоу* (из *исправлю*) 855 (сер. XII; находка 1998 г.); далее следует *целелена* 'червленые' 439 (XII/XIII). Ср. также запись (под 1135 г.) на *Юколи оулици* в Синод.л НПЛ, обычно хорошо сохраняющем особенности протографа, которая скорее всего имела *л* (а не *вл*) уже в оригинале XII в.

В поздних берестяных грамотах: XIII — у *Иелее* 348; XIV — оу *Акола* 138, о *Аколи* 622, *Воислали*, (*Ра*)*дослала* 50, у *Рацлала* 260, [*ѿ* *Богусл*]а*ла* 261, *ѿ* *Горислалица* 262, оу *Икла* 532, *Аколе* 570; XV — *Юколь* 12 (также *елали* 374, если это вместо *явлали*).

Сохранение *вл* наблюдается в берестяных грамотах (не считая церковных текстов, а также церковного термина *благословление*) лишь в следующих случаях: а) в грамотах, явно ориентированных на наддиалектную норму, — *мъвлаше* 605 (XII₁), *пр(а)[вл]ю*, [*Х*]о*то(сла)[в]лю* 805 (XII₂); б) в грамотах с вост.-новг. чертами — на *Аро-славли* (2×) 69 (XIII), оу *Юковли* 500 (XIV), *перест(а)вливати* 157 (XV); в) сверх этого только *Переаслав[в]ли* 105 (XII₂), *а са дивлю* 622 (XIV), *авляютса*, *авлятса* 307 (XV). Заметим, что *а са дивлю* 622 встретилось в той же грамоте, что о *Аколи*; вероятно, в здесь восстановлено (или сохранено) под влиянием остальных форм парадигмы. Возможно, сходным образом объясняются примеры *авляютса* и *переставливати*.

В книжных источниках новгородского и особенно псковского происхождения примеры с *л* вместо *вл* весьма многочисленны (см., в частности, Соболевский 1907: 36). Можно предполагать, что рассматриваемый фонетический процесс был в принципе регулярен, но его результаты во многих случаях устранились под давлением наддиалектной нормы или под влиянием аналогии.

Переход *мл' > н'*

§ 2.40. Самый ранний пример — *енюци* 227 (XII₂) из *емлючи*. Позднее: *дожни* 437 (XII/XIII) из *дожмли*; не вполне надежны *пожни*, *кни* 501 (XIV).

Переход *мл' > н'* был описан нами в работе 1988а (с. 65–67); до этого он, по-видимому, не был отмечен. Разбор примеров этого перехода из древних памятников и современных говоров можно найти в Изуч. яз., § 10. Здесь мы ограничимся лишь простым перечислением этих примеров (помимо указанных выше): *Гзень* (название ручья в Новгороде; так в младшем изводе НПЛ) из более раннего *Къземль* (так в старшем изводе НПЛ); диалектные *на зені* ‘на земле’, *на зень* ‘на землю’, ‘наземь’, *крень* ‘кремль’, *крень* ‘кремень’, ‘плотные слои древесины’ (то же, что *крёмель*, -*мя*), *коняги* ‘две лодки, соединенные вместе’ (то же, что *комляги*, *комяги*); топонимы *Кренево*, *Крениве*, *Кренье* и др.¹⁴ Отметим также топоним *Захонье*, который, как мы предполагаем, восходит к *захълмье, с ранней метатезой *лм > мл*.

Переход *мл' > н'* однотипен с *вл' > л'*: в обоих случаях сочетание согласных упрощается в единую согласную с утратой признака лабиальности. Для *вл'* это означает просто превращение в *л'*; в *мл'* остается еще признак назальности, который накладывается на *л'* и превращает его в *н'*. Возможен также и несколько иной механизм перехода, где *мл'* вначале превращается в *мн'*, которое затем упрощается до *н'*. В самом деле, переход *мл' > мн'* (например, *земню* из *землю*) засвидетельствован в говорах разных регионов (см. Крысько 1994б: 42, 1998: 83, 2003: 344).

Переход *мл' > н'* всеобщего характера не имел, ср. постоянные *земля*, *землица* в берестяных грамотах (равно как и ряд других примеров с *мл*), а также наличие в НПК многочисленных топонимов на -*мя*, -*мле* (*Городомля*, *Иломля*, *Лоцемля*, *Смердомля*, *Удомля*, *Гъземле*, *Игомлево* и т. п., ср. до *Коростомла* 735 [XII]). По-

¹⁴ А. Б. Страхов (1999б) данное фонетическое явление, как и многие другие, “отменяет”. О технике таких “отмен” см. сноску 8 в § 2.11. Для самых важных примеров: *енюци* (из *емлючи*) и *Гзень* (из *Къземль*) — у критика не нашлось других опровержений, кроме раздумчивых вопросов типа “А что если не *Гзень* произошло из *Къземль*, а наоборот?”.

видимому, он был ограничен лишь некоторыми говорами, а в отдельных словах закреплялся в силу лексикализации.

Отвердение мягких губных

§ 2.41. Наибольший интерес здесь представляет процесс отвердения конечного [м']. Он рассмотрен нами в Лингв., § 40 и позднее в Изуч. яз., § 53. Новые находки позволили несколько уточнить эти наблюдения.

Как показывают берестяные грамоты, данный процесс начался очень рано — не позднее конца XI в., а скорее всего ранее этого момента. Самый ранний ныне имеющийся пример из берестяных грамот — *своимь* (Т. ед.) 752 (1080-е–1100-е гг.), при сохранении *мь* в *бъзоумьель* и *есмь* в той же грамоте. (*Въ томь* 109 [XI/XII] непоказательно из-за эффекта *ь* → *ъ*.) Следующие по времени примеры — *есемо* (2×), *цимо* 644 (сер. 10-х – 20-е гг. XII). Прочие примеры ранне-др.-р. периода (не считая ненадежных) таковы. XII: *есмь* 834, 231, 723, Торж. 2, *есмо* 226, *есемо* Ст. Р. 31, Ст. Р. 37, *есмь* 934, *есмо* 731, за *Петрьмь* 835, *съ Лазь(в)къмь* 105, *съ цьльцьмо* 429, *съ кыяни-номо* Ст. Р. 37, *о своемь* 854, *о томь* 824, *во томо* 654, *томо* 731, *одномо* 227, *во простемо*, *въ другемо* 686, [в]ьдамь 815. Конец XII – 1 четв. XIII: *ничимь же* 725, *со Воелавомо*, *с ызветомо*, *на томо*, *при комо*, *о моемо* 531, *передамо*, *имо* 705, *со другемо* 601, *на третьемь* 609, *(ко)жюхьмь* 438, *со Проусомо* 439, *есмо*, *с нимо*, *татьмо* 222.

Динамика соотношений между этимологически правильными написаниями с *-мь* (или заменяющим его *-ме*) и написаниями с *-мъ* (или заменяющим его *-мо*) такова.

В окончаниях склонения (у существительных, прилагательных, местоимений) *-мь* преобладает лишь примерно до середины XII в. В грамотах этого времени отмечены: *добрьмь* 246, *кروطьмь* 526, *бъзоумьель* 752, *съ Асафьмь* 605, *на немь* 336, Город. 1, *д(о)брьмь*, *съ Гурьгьмь* 487. С середины XII в. написания с *-мь* начинают уступать место новым написаниям с *-мъ* (*-мо*) и уже на рубеже XII и XIII вв. оказываются в явном меньшинстве. В это время отмечены: *въ томь* (3×), *по томь* 724, *за нимь* 9, *съ нимь* 296; ср., с другой стороны, списки примеров с *-мъ* (*-мо*), приведенные выше. Сосуществование старых и новых вариантов (с явным преимуществом последних) продолжается и в XIII в.; так, с *-мь* (*-ме*) в это время отмечены: *со братомь* 73, *сьломь* 510, *тиме* 483, *с Григоремь* 69 (не считая грамот № 419 и 916, содержащих ц.-сл. текст); ср. также *лицеме* Вит. 1. В XIV–XV вв. новые написания уже полностью господствуют; *-мь* сохраняется всего в нескольких грамотах, а именно: XIV — *во своємь* 195, *со Хтмь* 138, *целомь* 102, *томь* 589, *ни чимь* 477, *с Климомь*, *братомь* 528, *при своємь* 42; XV — *Стопаномь*, *цоломь* 413, *руцьюмь* 928 (1× при обычном *-мъ*).

Не вызывает сомнений, что в какой-то части случаев встретившиеся в грамотах написания с *-мъ* представляют собой просто традиционные орфограммы (отметим в этой связи, например, что грамоты № 138 и 42 — это завещания). Но, по-видимому, это не единственный источник таких написаний: следует предполагать, что отвердение конечного *м'* происходило в разных др.-новг. говорах неодновременно и в некоторых из них старое состояние могло сохраняться очень долго.

Существенно иную, чем в именных окончаниях, картину дает словоформа *късмь*: здесь во все периоды преобладает старое написание — с *-мь*; оно встречается в два с лишним раза чаще, чем написание с *-мъ* (*-мо*), и это соотношение не испытывает существенных вариаций от одного периода к другому. Разумеется, и здесь значительную роль сыграло сохранение традиционной орфограммы; но можно предполагать также, что длительному сохранению мягкости в этой словоформе способствовало существование параллельной формы *късми*.

В соответствии с исходным *дамь* пока отмечены только написания с *-мь* (*-мо*): [ѣ]ьдамь 815 (XII₂), *передамо* 705 (нач. XIII), *дам[о]* 765 (XIII), [д]амо, *водамо* 193 (XIV).

У числительных *семь*, *осмь* встретились только написания с *-мь* (*-ме*): в ранних грамотах — *семе* 437 (?), Ст. Р. 22, [се]м[е] 228, *сьмь* Торж. 13, *осмь* 7, 238, [ос]м[е] (?) 767, *осьмь* 223, 724; в поздних — *семь десато* 138.

Отверждение конечного [в'] отразилось в примерах: *цѣльвь* 849 (сер. XII), (*цѣрковъ* 470 (XIV); см. также Б 22 об императиве *оправ[ѣ]* или *оправ[ѣ]* в № 850 (сер. XII), исправленном на *оправи*. Для сравнения приводим примеры с *-вь* (*-ве*): *оголове* 78 (XII₂), *молове* (исправлено на *молови*) 531 (XII/XIII), *во цѣрковѣ* 414 (сер. XIV), в *цѣркѣвь* 275 (XIV₂), [уп]равь 282 (XIV₂); ср. еще *молвь* Смол. 2 (XIII₂).

Что касается позиции перед гласной, то здесь ситуация с мягкими губными не столь ясна. Имеется значительная группа примеров, где на письме мягкость не отражена: *маса* (по-видимому, 'мяса') 456 (XII₂), *сватее* (исправлено на *сватее*) 705 (нач. XIII), *измакле* (вместо *измакле*) Пск. 6 (XIII₂), *бес пяти* 'без пяти' 758 (XIII₂), *паты* (вместо *паты*) Мст. 1 (XIII), *сѣманы* 'семенами' д. 3 (XIV); также *Сватоуѣ(гъ)*, *Вачеславу* 'Вячеславу' в настенных надписях (Медынцева 1978, № 104, 168), *помальса* (вместо *помальса*) в приписке писца к псковскому евангелию 1341 г. (РГАДА, ф. 381, № 2; см. Покровский 1916: 261), *на пама*^Т в записи к псковскому паремейнику 1313 г. (Каталог ЦГАДА, II: 48) и др. Менее показательны написания с *о* (поскольку *во*, *по*, *мо* вполне могут передавать [в'о], [п'о], [м'о]): *гривонѣ* 349, Ст. Р. 30, *гривонь* Ст.Р. 2, *цѣвортѣ* 169, *Потру* Ст. Р. 30, *Потра* 53, 949, *ко Смону* 949.

Написания с *ма*, *ва* и т.п. могут, конечно, быть простыми ошибками в обозначении мягкости. Но нельзя исключать и отдельные случаи реального отверждения губных в данной позиции; ср. такие сев.-зап. диалектные примеры, как [вап'йр'] 'вепрь' (Пск. слов., 3: 77), [пѣкша] 'пѣкши' (д. Ильюшино Андреапольск. р-на Тверской обл., запись Ф. Р. Минлоса).

Относительно *въх-* из *въх-* в слове 'весь' см. § 2.15^б.

Отверждение конечного [т'] и его отпадение

§ 2.42. Случаи этого рода немногочисленны. Об отверждении [т'] свидетельствуют примеры: *пять* 'пять' 219 (XII/XIII) (если только это не описка), *три дева(т)о* 'тридевятъ' 715 (XIII), *поль трѣтиа дѣсато* 'двадцать пять' 61 (XIII); сюда же *поѣдь* (из *поѣди*) 312 (XV). Особый частный случай — окончания 3 лица презенса: *-тъ* вместо *-ть* отмечается в этих окончаниях начиная с середины XIV в. Встретились: *возметъ* 354, *приждутѣ* 345, *поводитъ* 317, *велитъ*, *биотъ* 157. Отмечен также один пример с *-тъ* вместо *-ть* в инфинитиве: *рѣсмотритъ* 933 (XV). Конечное *тъ* в *нѣтъ* 49 (XV) могло возникнуть либо из *нѣту* (с отпадением *у*), либо из *нѣтъ* (с отверждением [т']).

Случаи отпадения конечного *-тъ* (вероятно, через фазы [-т'] и [-т]): *дѣва* 'девять' 621 (XII₂), *три дева* 'тридевятъ' 715 (XIII), (*т)ри на дѣса* 851 (сер. XII), *пять на дѣса* 219 (XII/XIII), *поло цѣвортѣ натца* 45 (XIV). Ср. *орѣ* 'опять' у Фенне (*орѣ odarivatt* 'отдарить' 223).

Отверждение [р']

§ 2.43. Свидетельствами отверждения [р'] (перед гласной и в конце слова) служат прежде всего примеры смешения на письме (с заменами как в одну, так и в другую сторону) *рѣ* и *рѣ*, *рю* и *ру*, *рѣ* и *ра*, *ри* и *ры*. В берестяных грамотах отмечены: *ризы*

‘рыжий’ 160 (сер. XII) (правда, этот пример не совсем надежен); XIII — *трасавиче* 715 (если только здесь первое *a* не результат предвосхищения второго); XIV — *Нестерю, монастырь*, [п]еремиръ ‘перемерь’ (возможно, также *коракулю*) в блоке 354+358, *азъ не говору* 530, *горончаро* (конечное <ръ> из -ръ) 445.

Несколько менее информативны примеры написания *ro* в соответствии с этимологическим *re*, скажем, *перостави* вместо *перестави*, поскольку в этих случаях за *ro* может стоять как [ro] (с отвердевшей согласной), так и [r’o] — подобно тому, как, например, в *Потра* 53 за написанием *po* стоит [p’o]. Самые ранние примеры этого типа — *ѡрокль* ‘заявил’ 724 (1161–67 гг.), [п](e)родо собож 150 (XII/XIII), *серобро* 420 (сер. XIII); более поздние примеры см. в § 2.30.

Вопрос об эволюции [л’] и [л]

§ 2.44. В берестяных грамотах встречается заметное число примеров, где вместо *лю, ла, ль* написано *лоу (лу), ла, ль*, — даже больше, чем аналогичных примеров для *р*. Самые ранние примеры — *в(ь)правлоу* Город. 1, за *Полоу[ѡ]а* 878 (оба 1 четв. XII). Прочие примеры XII в.: *послоу* ‘пошлю’ 421, *Соужьдалоу* 675, *лоудье* (Р. мн.) 870, [л]оу[ѡ]и (?) 876, [л]оубо 824, *испралоу* (из *исправлю*) 855, *землоу* 821, *пецалоуса* ‘забочусь’, ‘печалюсь’ 717 (если только это не от *печаловатиса*, с пропуском *ю*), *промышлаа* 893 (возможно, сюда же *дѡла* 743, *къ Лоудьславоу* 113), *посолю* Торж. 13; кроме того, *присьлоу* Смол. 12 — в смоленской грамоте. Отметим еще *Мыслатиниць* ‘Мыслятинич’ в надписи (Медынцева 1978, № 210, вероятно, XII в.). Ср. также обратную замену в *посълала* ‘послала’ 682 (но *ла* в *покланание* 657 — вероятно, всего лишь описка). XIII: *хомела* ‘хмеля’ 706, 709, *лоудие, льдиде* 419. XIV–XV: (э)[e]млу 580, *блудо* 261, *клуцка* ‘ключника’ (с пропуском *ни*) 370, *клуць* 413, *дублани* ‘дубляне’ 540, *луди* (2×), *рубель* ‘рубль’ 374 (также *елали* 374, если это вместо *явлали*); вероятно, сюда же *Комель* 929. Что касается примеров с *ло*: *зелоного* (2×) 288, *рублово* 256, *Олоскадру* 528, — то они стоят внутри данной группы особо, поскольку могут быть просто частным случаем передачи [’o] через *o* (см. § 2.30).

Написания типа *король, того дѡла* (вм. *дѡла*), *лубо* ‘любо’ отмечаются также в псковских памятниках (см. Колесов 1973: 10–11); они возможны и в других зонах (см. Гольщенко 1987: 124 — примеры *клатва, сѣсителя, промышлающе, исправлаа* и др.). Трудно предполагать, что перед нами одни лишь простые ошибки в передаче твердости–мягкости: после любой другой согласной таких ошибок несравненно меньше. Как известно, в некоторых сев.-в.-русск. говорах наблюдается сдвиг [л’] в сторону “среднего” [l], а [л] — в сторону [ʎ] или [w]. Допустима мысль о связи по крайней мере части приведенных выше написаний с подобного рода сдвигом. Существенно, однако, то, что в современных говорах не отмечается совпадения фонем /л’/ и /л/ (как бы они ни реализовались на фонетическом уровне). Поэтому нет оснований истолковывать подобные написания как свидетельства такого совпадения.

О том, что сдвиг [л] в сторону [ʎ] или [w] в каких-то говорах действительно происходил, говорит пример *оу местерева тоуку* ‘у магистрава толмача’ в грамоте 1418 г. (Хрест., № 40, I), где *тоуку* = [товку], т. е. [л] дало [w].

Особое явление — вариантность [л’] и [j] на конце основы. Примеров этого рода довольно много, причем в разных регионах. Чаще всего это явление наблюдается после губной согласной + *e*: *щавель* – *щавей* Костром. (Даль), *журавль*, *журавель* – *журавей* Влад. (СРНГ, 9: 228), *колыбель* – *колыбей* Ряз. (14: 205), *кóбли* ‘две лодки-

однодеревки, соединенные вместе' Новг. (14: 231) – *кóмей* (и *комéй*) 'лодка-однодеревка' Пск., Твер. (14: 229), также *картóфель* – *картóфей* (*картóфий*) Нижегород., Влад., Яросл., Моск., Орл. (13: 103); с другой стороны, *муравéй* – *муравéль* (во многих говорах; 18: 348), др.-р. *Гомши* – *соврем. Гóмель*. В грамоте № 929 находим названия *Комель* и *Комѣине*, относящиеся к одному и тому же месту. Изредка вариантность [л'] и [j] обнаруживается и в других позициях: *горностáй* – *горностáль* Арх., Олон., Новг., Волог., Перм., Урал., Сибирь (СРНГ, 7: 51), *горносталь* в грамоте № 413; *гонобóй* Новг., Пск. (7: 8) – *гонобóль* (сев.-в.-русск.; там же); вероятно, сюда же *хрустаи* в грамоте № 500. То же иногда и внутри основы: *Шюига* (в грамоте № 477, в НПК) – *Шюльга* (часто); *верей* 'ворота в полевой изгороди' Сев.-Двин. (4: 129) – *верéльница* 'то же' Сев.-Двин. (4: 130); с другой стороны, *пράльник* 'валек для выколачивания белья при стирке' (во многих говорах; 31: 66) – *п्राйник* 'то же' Пск., Брян., Калинин., Новосибир. (31: 65).

Эта группа примеров явно неоднородна. Некоторые случаи такого варьирования имеют праславянский возраст, например, *горностаи* – *горносталь* (см. ЭССЯ, 7: 48); ср. еще *воробéй* и польск. *wróbel* и т. п. Другие возникли много позднее (ср. в особенности *картóфей*). Можно предполагать, что в каких-то говорах в определенных позициях имело место собственно фонетическое варьирование [л'] и [j], но при проникновении в другие говоры эти варианты закреплялись уже в качестве фонологических и возникали даже определенные модели варьирующих исходов, например, пары *журавéль* – *журавéй* и *муравéль* – *муравéй* взаимно уподоблялись.

Частичная нейтрализация противопоставления /в/ и /у/

§ 2.45. Вместо предконсонантного (по поздне-др.-р. счету) *в* иногда пишется *оу* (*ѝ*, *у*); за таким *оу* могло стоять [у] или [w]. Самые ранние примеры: *оу монастыри* 'в монастыре' 717 (XII₂), *оу ней* 'в ней' 449 (посл. четв. XII), *у 'в'* (4×) 108 (XII/XIII). Далее, XIII: *ѝ 'в'* 614, *ѝзале*, [не] *ѝдасте* 483, *ѝдаи* 395; XIV–XV: *оу 'в'* 490, 275/266, 136, 534, 359, 307 (2×), *оузале* 102, *оузати* 534, *оузаль* 249. Показательны примеры параллельных написаний с *оу* (*ѝ*, *у*) и с *въ* (*во*, *в*) в рамках одной грамоты: *оу монастыри* – *въ борозе* 717; *оу ней* 'в ней' – *въ дѣложениц[ь]* 449; *ѝ Селоковъ Горь* – *во Сельче* 614; [не] *ѝдасте* – *водасте* 483; *оу дворо* – [в з] *ороди* 490; *оу подоклти*, [о]у П[ор]ѣховъ – *в цркъвь*, *въ кли[ть]* 275/266; *а оузаль* – *взалъ* 249.

Особый случай составляет слово 'полтора', в составе которого *полу вътор-* дало [полу втор-], упростившееся в [полутор-], а *поль вътор-* дало [пол втор-] и далее тоже [полутор-]. Неизвестно, какой из этих двух вариантов представлен в раннем примере *во полоуторъ* <рѣ> (В. или М. падеж) 831 (2 четв. XII); но в *полоуторе* (И. падеж) 228 (XII₂) уже заведомо представлен второй вариант; то же в поздних примерах *полоутора* (И.) 138, *полуторѣ* (И.) 403 и др.

С другой стороны, в грамотах XIV–XV вв. встречается и противоположная замена: а) *в* ('у') *Калиница* 278, также *завѣтрѣ* <въ> 417, где отразилось [зав'т'р'-], развившееся из *заутр-* (см. Г 19); б) *в* ('у') *Олисѣа* 568, *в* ('у') *Озарей* д. 3; часто в ГВНП, например, *у его сына в Ысака* (№ 256).

Таким образом, в ряде позиций противопоставление /в/ и /у/ могло нейтрализоваться — чаще всего в их общем варианте [w]. Для передачи [w] могло служить как *в*, так и *оу* (а также и *во* или *въ*, ср. примеры выше).

С реализацией *у* в виде [w] в случаях типа *в Олисѣа* тесно связана его реализация в виде [uw] в случаях типа *оув Ыевка*; см. § 2.55.

Ассимиляция согласных по твердости–мягкости

§ 2.46. Регрессивная ассимиляция согласных по твердости–мягкости явно была довольно активным процессом, но она лишь в очень редких случаях находит отражение на письме — преимущественно в тех источниках, где в той или иной степени представлен скандирующий эффект.

Начнем с особого очень раннего процесса, который затронул как согласные, так и гласные: праслав. *TbrT дало др.-новг. *TbrъT* в случае, когда второе *T* — это твердая зубная согласная (§ 2.12); при этом *r*, которое в составе *TbrT было мягким, в составе *TbrъT* стало твердым. Вопрос о том, что здесь первично: отверждение *r'* или переход вставного *ь* в *ъ*, — может решаться по-разному. По-видимому, в разных говорах этот процесс мог реализоваться с большей или меньшей полнотой и с неодинаковой скоростью. Написания с *ьръ* представлены уже в древнейших памятниках, например, *сьмьрьда* 247 (XI) (при *сьмьрьди* в той же грамоте). С другой стороны, в некоторых говорах [р'] в этих сочетаниях сохранялось еще и в XIII в., ср., в частности, *сьмьрьдо* 935 (кон. XII), *Цьрьтovo*, *сь(м)ьрьда* в блоке 390 (посл. треть XIII).

Очень ранний пример, связанный с проблемой ассимилятивного смягчения, — *на Дроздь* 526 (сер. XI). Ввиду столь древней даты трудно решить, что стоит за такой записью: [дроз' д'ѣ] или [дроз'ьд'ѣ] (со вставкой *ь*-образного глайда).

Прочие примеры относятся уже ко времени, когда процесс падения редуцированных заведомо начался. Часть из них отмечена еще в рамках ранне-др.-р. периода.

Примеры написания *ь* (или *e*) внутри исконного сочетания согласных: *търи* 'три' (2×) Ст. Р. 22 (XII₁; см. также Б 35 о написании *Косениле* в той же грамоте), *Переслав[ь]тѣ* 105 (XII₂), *безь девати* 710 (XII), *мьдвьѣдьно* (*ь* между *д* и *в*) 722 (XII/XIII); может быть, сюда же *Зоубери* 84 (XII₁) (если здесь *бе* = <бь>, см. Б 2).

Примеры написания *ь* (или *e*) в сочетаниях, где прежде имелся [ъ]: *девѣ* 'две' Ст. Р. 14 (XII), *сь плььд-* (из *сь пеледама*) 429 (XII₂). Во всех этих случаях естественно усматривать в *ь* (или *e*) уже просто знак мягкости предшествующей согласной.

Свидетельства ассимилятивного смягчения встречаются также и в поздних грамотах. XIII — *по съпехо* 709 (*сь*), *Завьтрьение*, *Завьтрьние* 390 (*тъ*), *замерьзьли* 69 (*зь*), *сь(м)ьрьда* 410 (*сь*), *возеехале* Ст. Р. 28 (*зе*). XIV — *теретел* 'третьего' 45 (начальное *те*), *мене* 'мне' 501 (*ме*), *изьѣжьнои* 366 (*зь*), *Сьтъпанъ* 366 (*сь*); вероятно, сюда же *Иевька* 528 (*вь*). XV — *оть Смона* [от'с'м'она] 413 (*тъ*). Особый случай: <вь> в *завьтрьѣ* (из *заутрьѣ*) 417 (см. выше, § 2.45). Ср. редкие примеры, где видно отверждение согласной: *грѣвону*, *грѣвоны* 366 (XIV), *судьно* 19 (XV), *д[во]рьно*^в 496 (XV) (но последний пример малопоказателен, поскольку [р'] могло отвердеть и независимо от позиции).

Понятно, что проследить по письменным памятникам процесс ассимилятивного отверждения согласных существенно труднее, чем процесс ассимилятивного смягчения, поскольку в поздне-др.-р. период внутрисловный <ъ> используется еще намного реже, чем внутрисловный <ь>, а написания типа *тк* в *батку* 290 (XIV), *ми* в *розумно* 53 (XIV) и т. п. практически ничего не говорят о том, произносилось ли здесь [т'к] или [тк], [м'н] или [мн].

В связи с этим представляют определенный интерес как раз свидетельства обратного рода, т. е. примеры относительно долгого сохранения старого состояния. Отметим некоторые примеры этого типа из грамот XIV–XV вв. (уделяя особое внимание таким, где в качестве знака мягкости выступает не *ь*, который в принципе мо-

жет быть и элементом традиционной орфограммы, а *е* или *ѣ*): *росокладеную* 698 (*де*), *изореникомъ* 699 (*ре*), *ѡжанѣное* 317 (*нѣ*), *лонескїи* 286 (*не*), *лонеского* 50 (*не*), *скутове-скаа*, *крмескаа*, *сосенескую* 519 (*ве*, *ме*, *не*), *Климецу* 311 (*ме*), *бъсудьнои*, *въсь* <всь>, *пъшьнѣцѣ* 366 (*дѣ*, *вѣ*, *пѣ*), *ѡвъцинѣ* 500 (*вѣ*), *Ѡвъцини* 129 (*вѣ*); ср. также *овиса* 'овса' 50. Аналогичным образом, например, *то* в *сестори* 'сестре' 497 свидетельствует о том, что группа [стр'] здесь не перешла в [с'г'р'].

О возможности особого развития *с*, *з* перед *л'*, *н'* см. § 2.51.

Особо отметим, что имеются примеры, где проявилась не регрессивная, а прогрессивная ассимиляция по твердости–мягкости (которая может сочетаться с обычной регрессивной ассимиляцией по глухости–звонкости).

Во-первых, популярные в Новгороде имена *Съдила*, *Несъдила* (ср. *Съдила* 503, *ко Несодиле* 443 и др.) отмечены в берестяных грамотах также в варианте *с зды* на месте *съди*: на *Здылоу* 510 (кон. XII – XIII), *Нездыле*, *Ѡ Нездыле* 220 (3 четв. XIII). Аналогично в Синод. НПЛ: под 1200, 1217 и 1229 гг. зафиксировано имя *Нездила*, под 1240 г. — *Нездыловъ сынъ*. Замена слога [д'и] на [ды], очевидно, была результатом распространения твердости [с] на последующее [д'].

Во-вторых, в грамоте № 765 (сер. XIII) содержится пример *прислы* 'пришли', где [сл'и], возникшее из *съли*, подверглось не регрессивной ассимиляции, как обычно (дающей [с'л'и]), а прогрессивной: твердость [с] распространилась на последующее [л'], отсюда [слы].

От собственно ассимилятивного отвердения согласных следует отличать случаи позиционного отвердения первого члена в группе согласных, не зависящего от твердости–мягкости следующего члена. Примеров, когда графика позволяет обнаружить такое отвердение, немного: *пошьницѣ* (из *пъшеницѣ*) 636 (XIII), *помъни* 122 (XV), *бороце* <рѣ> 'сборщик налогов' 318 (XIV).

§ 2.47. В связи с вопросом о смягчении и отвердении согласных особого рассмотрения требуют заимствованные имена собственные. Их фонетическая адаптация происходила в основном еще до падения редуцированных. Как показывают обычные (не церковные) берестяные грамоты, в процессе такой адаптации сочетание «сонант (или *в*) + согласная» (равно как некоторые сочетания с первой шумной согласной — *кс*, *фл* и др.) разъединялось вставным *ѣ* или *ь*, например, *Варѣвароу*, *Гюрьга*, *Ставърови*, причем дальнейшая эволюция этих *ѣ*, *ь* ничем не отличается от эволюции исконных *ѣ*, *ь* (откуда можно заключить, что вставка *ѣ* или *ь* была здесь фонетической реальностью, а не орфографической условностью). Что касается берестяных грамот церковного характера, то они могут сохранять, по крайней мере в части случаев, книжные написания таких имен — без вставных *ѣ*, *ь*, например, *Павла*, *Коузмы*.

Выбор между вставным *ѣ* и вставным *ь* определяется в большинстве случаев задним или передним характером гласной следующего слога (или, что равносильно, твердостью или мягкостью последующей согласной). Так, в грамотах ранне-др.-р. периода (в том числе нередко и в церковных) находим, в частности: *С[т]ав[ѣро](ви)* 613, *Марѣѣ[ѣ]* 914, *Вальтъроу* 881, *Олькъсоу*, *Варѣвароу*, *Ѡвъръниоу* 560, *Ѡ[ѣ]ворониа* 559, *Фолар[ѣ]* 234, *Оводокиа* 506, 5086, *Онотони* 541, *Онотанѣ* 670; с другой стороны — *Гюрьги* 5086, *Гюрег[и]* 165, *Гюрьга* 710, *[Гю]р[ѣ]а* 424, *Гоурѣга* 630, *Горег[ѣ]* 228, *Гюрьгеви*, *Гѣрьгеви* 854, *Георгїи* 559, *Георегиа* 506, *Паньтелѣ* 561, *Домъника* 503, *Аньдрѣа* 724; сюда же *аньѣлѣ* (3×), *аньѣла* 734. (Для этих же имен даже и в нецер-

ковных грамотах встречаются также и написания без вставных *ь*, *ь*; но они объясняются просто процессом падения редуцированных.)

Существенно, однако, что есть и некоторые отклонения от указанного принципа выбора между *ь* и *ь*: *Павело* 508б, *Павъл*[ѣ] 725, *Павьловъ* 736а, *Павьлова* 227, *Коузема* 632, [*Коузь*]мы 400, *Феларь* 553, *Феларю* 443 (ср. выше *Фолар*[а] 234), *Мароть* <*Марь-тѣ*> 853; показательны также встретившиеся в более поздних грамотах к *Анофимоу* Пск. 6 (XIII), *Жвъфимек* 328 (нач. XIV). Эти отклонения показывают, что материал заимствованных имен собственных, относящийся к ранне-др.-р. периоду, не может рассматриваться просто как частный случай ассимиляции по твердости–мягкости. Отразившийся в этом материале процесс появления вставных *ь* и *ь* хотя и имеет много общего с ассимиляцией по твердости–мягкости, наступившей после падения редуцированных, всё же не тождествен ей (и осуществился раньше, чем она).

Сказанное относится именно к раннему периоду. После падения редуцированных фонетическая структура заимствованных имен в подавляющем большинстве случаев уже не имеет принципиальных отличий от структуры исконных русских слов. Соответственно, дальнейшая эволюция тех и других подчиняется уже одним и тем же правилам; скажем, [пáв'ла] и [пráв'да] одинаково преобразуются в [пáвля] и [пráвда] (или в [пáвля] и [пráвда]).

Ассимиляция согласных по глухости–звонкости

§ 2.48. Мы не рассматриваем здесь случаи ассимиляции по глухости–звонкости, относящиеся к дописьменной (фактически к праславянской) эпохе, типа *лѣсти* (от *лѣз-*), *испытати* (ср. *из*) и т. п. Заметим лишь, что древнейшие берестяные грамоты последовательно отражают различия типа *без дьвоу*, но *бес коунѣ* (примеры из № 526, XI). В письменную эпоху ассимиляция по глухости–звонкости становится возможной лишь внутри новых консонантных сочетаний, возникающих после падения редуцированных.

Примечательно, что самые ранние свидетельства такого рода относятся к процессу, который по своему характеру существенно отличается от большинства остальных и не получил сколько-нибудь заметного развития в более позднюю эпоху. Речь идет о прогрессивной ассимиляции согласных по глухости–звонкости. Относящиеся сюда факты немногочисленны и в части случаев неоднозначны. Перечислим их, не ограничиваясь одними лишь берестяными грамотами.

В русской части Саввиной книги, в отрезке, относящемся к XIII–XIV в. и характеризующемся псковскими диалектными чертами, дважды (л. 7а, строки 12 и 15) встречается *кте* 'где' из *къде* (или *къдѣ*); такое же *кте* встретилось в псковском евангелии XIV в. (РГАДА, фонд 381, № 19, л. 49б; ср. *кде* 50б, *гдѣ* 49а) (указано О. А. Князевской; примеры из Саввиной книги отмечены в Соболевский 1884: 138, 153–154).

В Синод.¹ НПЛ ([1136], л. 17, строка 2) слово *сдоумаша* явно переправлено из *стоумаша* (замечено Г. А. Федониной). Можно было бы думать, что речь идет об исправлении простой описки, если бы не тот факт, что в берестяной грамоте № 735 (2 четв. XII) содержится императив *сьтоумаше же*, для которого нет никакого правдоподобного истолкования, если не допустить, что здесь представлен, хотя и в необычном облике, глагол *сьдумати*. Соответственно, необходимо признать, что в Синод.¹ НПЛ написание *стоумаша* перенесено писцом из оригинала. С другой стороны, пример из НПЛ снимает сомнения в том, что *сьтоумаше* 735 является именно

модификацией словоформы *съдумай* ‘реши’, ‘надумай’. Очевидно, *ь* в *сътоумай* — это уже просто дань орфографии (сохранение привычной орфограммы *съ* для приставки), поскольку переход *сд > ст* должен был произойти лишь после падения *ь* в приставке.

В грамоте № 908 (из блока 905, относящегося к посл. трети XI – нач. XII в.) вместо *постави* (И. мн.) написано *подави*. Может быть, автор вообще смешивал *т* и *д*: он написал также *оу Тъшадѣ* ‘у Тешаты’ 905. Но написание *подави* могло быть и гиперкорректным, если автор знал, что, например, [стумат’и] следует записывать как *сдоумати*.

В грамоте Ст. Р. 5 (XII₁, с эффектом *ѣ → е/ѣ*) встретилось *ѣ Стежюра*, т. е. здесь отразилось имя *Стѣжурь* или *Стежурь*. Начальное *стѣ-* здесь восходит либо к *съдѣ-* (из **съ-дѣ-* ‘собирать’, ‘соединять’), либо к *съде*, *съдѣ* ‘здесь’; см. Б 31. В обоих случаях следует предполагать переход *сд > ст*.

В Жит. Андр. Юрод. встретились написания: *сфинши* ‘свиньи’ (строка 1528), *сфиньскы* ‘по-свински’ (строка 1995, список С 50).

К этому же ряду ныне уже без колебаний следует относить др.-новг. *сторовъ*, семантически тождественное обычному др.-р. *съдоровъ* ‘жив-здоров’, ‘цел’, ‘благополучен (как в физическом, так и в социальном отношении)’ (подробнее о значении этого слова см. Лингв., § 86, а также В 37). Гипотеза о прогрессивной ассимиляции в этом слове выдвинута уже давно (см. об этом Фасмер, III: 768), но ей противостояла гипотеза о существовании двух первоначально различных основ **съ-dorv-* и **storv-* (см. Фасмер, II: 90 и III: 768). В Лингв. я склонялся ко второму объяснению (что отразилось, в частности, в словоуказателе) в связи с тем, что основа *сторов-* фиксируется в берестяных грамотах очень рано — начиная с *сторови* 424 (1 четв. XII). Однако ставшие ныне известными очень ранние примеры пропуска *ь*, *ѣ* на письме, а также пример *сътоумай* 635 показывают, что хронологическая сторона вопроса в действительности не препятствует выведению *сторов-* из *съдоров-*.

Интересно, что как в берестяных грамотах, так и в летописи *сторовъ* выступает в ранний период, а *сдоровъ*, *здоровъ* — в более поздний. В берестяных грамотах XII в. представлены: *сторови ли есте* 424, [по] *сторовоу* Город. 1, *а конѣ 2 и сторова* 842, *а боуде сторовъ князь* 852, *а стѣе Варъварь тѣлица сторова ли* 657, *с)торове* 823, также *о своемъ стѣ[r](о)вѣе* 854, *аже оусторовѣе* Торж. 19. Менее надежны примеры *Гюрег[и ти] дошьле ст(о)рове* 165 (XII₂) и *...ѣши[л]а и Бьлына ст(о)ровъ добръ* 351 (3 четв. XIII), поскольку они включают конъектуры. С другой стороны, находим: *а на Арославли добръ здоровъ* 69 (кон. XIII) и далее, в грамотах XIV и XV вв. — *а дома здорово* 286, *а инож все добро здорово* 122, 129, также *твоимъ здоровимъ* 104, *в вашемъ здоровиѣ* 304 и топоним *в Здаръвекъ* 580.

В Синод.¹ НПЛ встречается, если не считать церковнославянизма *сдравъ* (*сдравъ*), только вариант *сторовъ*: *придоша сторови* [1130, 1169, 1173, 1186, 1191, 1192, 1200, 1219], *бидоша сторови* [1209], *сторови вси воротишася* [1180]. В Синод.² НПЛ, напротив, встречается (помимо церковнославянизма *сдравъ*) только *здоровъ*: *придоша (...) вси здорови* [1255, 1266, 1318, 1324], *придоша здорови вси* [1311], *приѣхаша вси здорови* [1267]. Вообще в памятниках XIV в. *сторовъ*, насколько можно судить, уже не встречается.

Вытеснение в XIII–XIV вв. специфического ранне-др.-новг. *сторовъ* общерусским *сдоровъ*, *здоровъ* — не что иное, как одно из многих проявлений общего процесса постепенной утраты др.-новг. диалектной специфики.

Можно указать также пример, где прогрессивная ассимиляция реализовалась в форме озвончения (подобно, например, укр. *бджола́* из *бъчела* или *рїздво́* из *рожьство*), — современное диалектное *празга́* ‘арендная плата’, которому в берестяных грамотах соответствуют [л]раз[к]а 406 (XIV), *празку* 131 (XIV); см. также Попр.–Х, № 131. В данном случае для перехода *зк > зг* надежно документирована как начальная, так и конечная фаза. При этом необязательно относить сам переход ко времени после XIV в. Поскольку это фонетическое изменение не имело всеобщего характера, варианты *празка* и *празга* могли долгое время сосуществовать.

Рассмотренный здесь материал, хотя он и невелик, дает основания предполагать, что в самый первый период после начала падения редуцированных в др.-новг. диалекте (или в каких-то его говорах) существовала тенденция к прогрессивной ассимиляции согласных по глухости–звонкости, которая, однако, в дальнейшем не получила более широкого развития и была “перекрыта” противоположной тенденцией (к регрессивной ассимиляции), более характерной для др.-р. языка в целом.

З а м е ч а н и е. Приведенные свидетельства диалектной прогрессивной ассимиляции согласных позволяют предложить объяснение для загадочного двойного *жс* в слове *во́жжи* (др.-р. *вожѣ*, ср. также в берестяных грамотах *вожѣ* 384, *воже* 78 и др.). Можно предположить, что вариант *во́жжи* восходит, подобно укр. *вожкі́* ‘вожжи’ (а также отмеченному в СРНГ *во́жжи* ‘вожжи’ Смол.), к суффиксальному *вожъкы*, которое дало *вожкы* (в др.-новг. варианте — *вожкѣ*) и затем, в силу прогрессивной ассимиляции, *вожгы* (> *вожги*), *вожгѣ*. Далее следует предполагать отождествление получившегося таким образом *жс* с новгородским *жс* из *zgj, *zdj (§ 2.10), находящимся в регулярной корреляции с [ж’дж’], [ж’ж’], [ж’д’] других говоров. Включение данного слова в эту корреляцию означало появление соответствующей серии фонетических вариантов, в частности, в говорах центра — *во́жжи*. Здесь естественно отметить также варьирование у глагола *вожжѣтъся* (есть ли у него этимологическая связь со словом *во́жжи*, неясно, но имеется по крайней мере параллелизм фонетической структуры); в СРНГ находим, в частности: *во́жжѣтъся* Вят., Перм., *во́жжѣтъся* Вят., Волог., Перм., Костром. (также разные районы Сибири), *во́жжѣтъся* Перм., Арх., Пск., Смол., Свердл., Сиб., *во́жжѣтъся* Свердл. (также некоторые формы без *-ся* и производные). Существование диалектных вариантов *вожк-*, *вожг-*, *вожж-* здесь такое же, как в предложенной гипотетической схеме развития слова *во́жжи*.

§ 2.49. Гораздо шире отразилась в берестяных грамотах регрессивная ассимиляция.

Озвончение глухих перед звонкими. Самые ранние свидетельства в берестяных грамотах — *на Здылоу* 510 (кон. XII – XIII₁) и *Нездыле, 8 Нездыле* 220 (3 четв. XIII), т. е. именно те, где озвончение еще сопровождается прогрессивной ассимиляцией по твердости (§ 2.46). Следующие по времени примеры относятся к последней четверти XIII – началу XIV в.: *зд[о]ѣ* 582, *здоровѣ* 69. Далее *съз братѣю* 417 (XIV₁), *в Здарѣвек* 580 (сер. XIV), *здорово* 286 (сер. XIV). В грамоте 144 (XIV₁) автор, имея в виду число ‘50’, написал *над* (вероятно, от *надесатѣ*), но затем зачеркнул и записал то же самое цифрой. Со 2 пол. XIV в. число таких примеров резко возрастает. XIV₂ — *здорови-къмъ* 104, *гозбѣ* (от *гозѣба*) 567, *тадбу, тадби* 256, *отадбѣли* 135, *з Дорофѣкѣва* 477, *з братѣю* 136, *з дадею* 183, *з Борисомо* 744. XV — *здорово* 122, 129, *в вашемо здоровиѣ* 304, *здѣ* 14, 307, Ст. Р. 2 (2×), *здѣсе* 19, 43, 129, 303, 307, 313, 540, *здесе* 373, *здесѣ* 19, *здесѣ* 469, *здѣ* 519, *одода* ‘отдал’ 311, *дад бы* ‘чтобы’ (из *дать бы*) 413, *з Бабиниѣхъ (се)ла* 1, *з дитми* 932, *з братомъ* 496, *з братѣи* 297, *з бра...* 96, *з беростомъ* 40. (Заметим, что в отличие от многочисленных *здѣ*, *здѣсе*, представленных в XV в., в XIII в. находим только *сдѣ* 68, в XIV — только *с[ед]ѣ* 193, *сдисе* 354.)

§ 2.50. Оглушение звонких перед глухими. Самые ранние надежные свидетельства в берестяных грамотах — *пать наца...* 482 (посл. четв. XIII), *во ѿсьми нацтате* 750 (XIV₁), *поло цтеверты нацца* 45 (XIV₁); во всех этих случаях в соответствии с более ранним [д'с'а] уже явно произносилось [ц'ц'а]. В грамоте 445 (вероятно, XIV₁) находим *асо погибло* 'я погиб', с [јас п-] из [јаз п-]. Со 2 пол. XIV в. число примеров несколько увеличивается. XIV₂ — *поло третиа нацтате* 130, *(оди)н(о)го нацтате* 133 (здесь автор сперва начал писать *над*, см. Г 56), *ас ти* 'я-то' 131, *лотку* 249, *в поткльѣтъ* 363, *воцкую* 'водскую' 534, *на Сотиахъ (ти < би)* 568; возможно, к этому же ряду относятся *ѿ Рацлава* 262, *у Рацлала* 260, *Ротковици* 318, но это ненадежно, см. Г 57, 60 (написание *лошатку* 618 непоказательно, поскольку основы *лошад-* и *лошат-* сосуществовали, см. Фасмер). XV — *трицать* 1, *трица...* Ст. Р. 2, *со Желутковымъ* 25, *на жеретѣ* 43, *срѣце* 'сердце' 521, *во поткльѣтъ* 40, *на безать[и]инѣ* (*ть < дь*), *ѿ Грикии (ки < ги)* 3.

Отметим еще *новогороцамо* в грамоте Твер. 2 (XIV₁).

В Синод.¹ НПЛ можно указать пример *Блоуткиница* ([1230], л. 110 об.; ср. *Блудкиница* в Комисс. НПЛ). Даже если этот пример принадлежит переписчику, он более ранний, чем примеры из берестяных грамот.

Что касается возможного оглушения звонких согласных на конце слова, то в берестяных грамотах нет ни одного надежного примера, который мог бы свидетельствовать об этом процессе (пример *буть* 68, который ранее связывали с императивом *буди*, ныне интерпретируется иначе — как инфинитив, см. В 16; примеры с [јас] из *изъ*, приведенные выше, несомненно относятся не к конечной позиции, а к позиции внутри тесно связанной группы слов).

Прочие изменения внутри консонантных сочетаний

§ 2.51. Подобно тому, как в дописьменный период *s* и *z* в позиции перед *lj* и *nj* перешли в *š*, *ž* (ср., например, *промышлаи* 428, возможно, также *Пръжневици* 526, см. А 3), в эпоху после падения редуцированных сочетание [сл'] в некоторых случаях перешло не просто в [с'л'], но далее в [ш'л'].

Практически речь идет о презенсе (и императиве) глагола *сълати*. Поскольку этот глагол и его приставочные производные встречаются в берестяных грамотах часто, хронологическая картина здесь восстанавливается довольно хорошо (см. Вермеер 1992: 394–395, по материалу до № 614 — около 60 примеров). В настоящее время в материале берестяных грамот презенс или императив от глаголов *сълати*, *сълатиса*, *посълати*, *присълати*, *въсълати*, *отъсълати*, *высълати* отмечен 128 раз (не считая ненадежных примеров в № 356 и 775).

На уровне написаний здесь различаются три основных случая: 1) корень указанных глаголов записан в виде *съл* (или *сол* — в грамотах со смешением *ъ* и *о*), например, *посъли* 246, *сълюци* 752, *восолеси* 644, *солю* 531, *присоли* 705; 2) корень записан в виде *сл*, например, *присли*, *прислеси* 155, *восли* 651, *сли* 441, *посли* 615; 3) корень записан в виде *шл*, например, *пришли* 53, *пошлеше* 750, *о тошли* 102, *са шлю* 521 (сюда же *пришьлить* 69, с обозначением мягкости *ш*).

Распределение этих трех типов написания в берестяных грамотах разных периодов показано в таблице 3. Даны просто номера грамот (сами примеры при желании нетрудно извлечь из второй части книги). Разделение на периоды — такое же, как во второй части книги (см. с. 227). Там, где это существенно, при номере грамоты указана ее более точная датировка внутри соответствующего периода.

Таблица 3. НАПИСАНИЕ ПРЕЗЕНСА ГЛАГОЛА *сълати*

Период	<i>съл-</i> (или <i>сол-</i>)	<i>сл-</i>	<i>шл-</i>
А (приблиз. до 1125 г.)	109, 246 (3×), 424, 644 (3×), 736а, 742, 752, 862, 902, 912 (2×), 915 (2×)	—	—
Б I (ок. 1125 — ок. 1160 г.)	422, 743, 776 (3×), 831, 834, Ст. Р. 6, Ст. Р. 12, Торж. 19, Смол. 12 (2×), Смол. 14	421, 673	—
Б II (ок. 1160 — ок. 1220 г.)	332а (2×), 332б (2×), 436, 531, 624 (3×), 638, 664, 705 (2×), 719, 731, 732 (3×), 746, 794, 805, 819, Ст. Р. 11, Торж. 18 (2×)	155 (2×), 235, 524, 651, 717 (2×), Торж. 10 (3×)	—
В (ок. 1220 — ок. 1300 г.)	350, 708 (обе сер. XIII)	221 (2×), 334, 404, 441, 481, 510, 592, 615, 645, 765, 781, 775, Пск. 6, Вит. 1	Смол. 3 (3 четв. XIII), 69 (<i>-шьл-</i> ; посл. четв. XIII)
Г I (ок. 1300 — ок. 1360 г.)	—	67, 418 (2×), 594, 771 (3×)	53, 99, 102, 142, 354 (2×), 358, 622, 750, Твер. 2
Г II (ок. 1360 — ок. 1400 г.)	—	30, 167, 948	27, 134, 177, 257, 271, 272 (2×), 274, 277, 365, 446, 534, 536
Д (1 пол. XV в.)	—	—	17, 21, 24, 25, 43 (2×), 124, 173, 521

Из таблицы 3 непосредственно видно, что написания с *съл*, *сл* и *шл* сменяют друг друга с ходом времени именно в такой последовательности. Понятно, что смена *съл* на *сл* отражает просто падение редуцированного. Как легко видеть, новые формы здесь появляются лишь начиная со 2 четв. XII в., а перелом в соотношении старых и новых форм соответствует границе раннедревнерусского и позднедревнерусского периодов.¹⁵

Смена написания *сл* написанием *шл* отражает интересующий нас переход [с'л'] > [ш'л']. Как показывает таблица, эта смена в основном протекает в интервале с середины XIII по середину XIV в., с четким переломом в соотношении старых и новых форм на рубеже XIII и XIV вв. При этом самый ранний пример (*пошли* Смол. 3) отмечен не в новгородской, а в смоленской грамоте. Самые ранние новгородские примеры (*пришьлить* <-те> 69, *пришле*, *пришло* [3 мн.] 142) относятся к 1280-м – нач. 1310-х гг.

Сходным процессом объясняется появление *шн* в *порожнии* (если только действительно здесь исходным было *porzdnjь, ср. Фасмер, статья *порожний*): в данном

¹⁵ Для наблюдений над этим процессом, разумеется, вполне пригодны также и словоформы с инфинитивной основой *съла-*, *сла-*. Таких примеров около 40, и они дают весьма похожую картину: первые примеры *сла-* (*послати*, *пославъ*, *заславъ* 724, *пославъ* 235, *прислати* 627) отмечены во 2-й половине XII в., последний пример *съла-* (*посолае* 705) — в начале XIII в.

случае следует предполагать переход [з'н'] > [ж'н'] после падения ь и упрощения [з'д'н'] в [з'н']. В берестяных грамотах находим *порозна* 616 (XIII₁) и *порожне* Пск. 6 (сер. XIII); однако *ж* в псковской грамоте двусмысленно: оно может быть также и продуктом псковского шоканья (см. В 39).

§ 2.52. В грамотах представлены многочисленные свидетельства различных слияний и упрощений внутри консонантных сочетаний.

Как и в других подобных случаях, здесь следует отделить от остального массива следы дописьменных изменений, происходивших там, где согласные находились в контакте уже в праславянскую эпоху. Сюда относится, в частности, утрата *з* или *с* перед *з*, *с*, *ш*, отразившаяся в *въстала* 590 (XI; из *въз-ста-*), *въсадивъ* 109 (XI/XII; из *въз-сад-*), *возывахо* 487 (XII₁; из *въз-зыв-*), *Безоубаа* Ст. Р. 21 (XII₁), *бе шести* 710 (XII), *бъ себъ* 672 (XII₂) и т. п. Другое раннее упрощение — *зdv* > *зв*: на *Възвыженъе* 913 (XI₂); ему совершенно аналогично *ств* > *св* в *презоресво*, *пелнесво*, *запоисво* Торж. 17 (XII₂). Раннее изменение противоположного характера — *зр* > *здр*: *роздробили* 902 (XI/XII; см. также Б 33).

Более многочисленны примеры, где слияния или упрощения произошли позже — после падения редуцированных и возникновения новых консонантных сочетаний.

Для ранне-др.-р. периода можно указать только: *браце* (из *братъче*) 531 (XII/XIII), где *ц*, вероятно, передает [ц''ц'']; *дъцьскамоу* 222 (нач. XIII), где *цьск* (из *тъск*) передает [ц''к], а само [ц''] есть результат слияния [т'] и [с]; кроме того, *дъцькие* (из *дѣтъськии*) Торж. 13 (XII₂), с упрощением [ц''к] в [с'к].

В XIII в. находим: [ц''к], [ц''к'] в *дѣцькы[м]ѣ*, *бѣжи(ц)ькаа*, *Городыцькель* 718, *дъцьскии* 615, *заволочкое* 143, [с]оцекого 294; как можно видеть, такое [ц''к] возникает как из [ц''ск], так и из [т'ск]. Далее, [ц''т] в *почта* (из *почьста*) 147, [ц''ц''] в *пять наца...* (из *на деса́те* > *на дьса́те*) 482; см. также выше (§ 2.51) о *порозна* 616, *порожне* Пск. 6. Особо стоит *цо* 'что' 61, где [ц''] — вероятно, результат перехода [ц''т] > [ц''ц''] > [ц''].

В XIV–XV вв. число подобных примеров заметно возрастает. Слияния: [ц''к], [ц''к'] в *деревьцькьгъ*, *къльм(ен)[ѣ]цкѣ* 580, *Плотницѣцкикомо* (с лишним *ци* после переноса) 690, *воцкую* 534, *немечькаа* 500, *нѣмецкую* 282, *нимечкой* 248, *новгороцкому* 310, *сочькими* 154; [ц''ц''] (или даже просто [ц'']) из [д'с'] в *натца* 45, *нацъате* 750, *нацате* 130, 133, *трицать* 1, *трица...* Ст. Р. 2, из [т'с'] в *изгодидце* (второе *д* — под влиянием первого) 281, *грозитьце* 359, *угодице* 21, из [т'ц''] в *очинѣ* 699, *щитина* (NB *цт*) 248; ср. также [ц''] в *Рацлава* 262, *Рацлала* 260 и в *продасци* Ст. Р. 2. Несколько более сложные преобразования следует предполагать в *нечи* (из *нечьсти*) 589 (см. Г 33), а также в [ц''о] 'что' (см. выше о *цо* 61): *чо* 157, 167, 303, 392, *цо* 11, 19, 129 (2×), 135 (2×), 301, 383, 413, 744 (ср. еще *нѣ о че* 477).

Упрощение сочетания за счет утраты его первого члена: *Роство* (из *Рожьство*) 144, *погоскаа*, *кюрѣжскаа*, *кюлоласкаа* (*ск* из *тъск*, *жьск*, *киьск*) 248, *пожарискаа*, *-ую* (*ск* из *цьск*) 519; в *Быкоцинѣ* (*ц* из *виц*) 477, *ѿ хого* (из *ѿ вхого*) 463 (последний случай можно трактовать также и как утрату среднего члена сочетания); *правицикѣ* (*ц* на месте *дъц*, т. е. [д'ш'ц''] > [ш'ц'']) 154; *десацанамо* (*сц* на месте *тч*, т. е., вероятно, [т'ц''] > [ц''ц''] = [т'с''ц''] > [с''ц'']) 253 (если же здесь *сц* из *тъц*, то как в *правицикѣ*); *што* 'что' 311, 352, *сто* 'что' 102, 528 (2×) — утрата элемента [т'] соответственно в шипящем ([т'ш']) или свистящем ([т'с']) варианте аффрикаты *ц'*. Далее, сюда же упрощение [ц''] > [с'] в *Большинѣ* 568 (из *Болчинѣ*) (см. также Г 35).

Упрощение сочетания за счет утраты его среднего члена: *полосца* (из *полостьца*) 263, *мѣсце* (из *мѣстьце*) 610, *Посени* <-сѣ> (из *Постъни*) 497, *гозбе* (из *гостьбѣ*) 567, *ѡпрознавань* (зн из *здн*) 19, *виашкеи* (*шк* из *жьск*) 519.

Как особый частный случай такого же упрощения можно рассматривать изменение [ш'т'ш'] в [ш'ш'] (и далее, возможно, в [ш'] и [ш]), отраженное примерами: *вертиша* 65, *череншани* 311 (ср. *черенцани* 157), *Коушьника* 514.

Пример утраты назальности: *виашкеи* (*ви* из *ми*) 519 (нач. XV).

Редкий пример диссимилятивного изменения в консонантном сочетании — *x[m]o* 46 (XIV₁), *x[m]o* 373 (XV₁).

В нескольких случаях засвидетельствованы метатезы, в частности: *ѡ Маскима* в грамотах Максима Онцифоровича (177, 253, 290); *Ольскы(нѣ)* 548 (XII₂), *Олескандрова* 102 (XIV), *к Олоскадру* 528 (XIV); *ко Поткѣ* 'к Потке' 750 (XIV). Правда, полной уверенности, что мы имеем здесь дело с фонетической, а не с чисто графической метатезой, нет, но всё же во всех этих случаях, кроме последнего, такая интерпретация представляется явно предпочтительной (а в примере *Ольскы(нѣ)* — вполне надежной).

Переход *кы, гы, хы* > *ки, ги, хи*

§ 2.53. Данный переход касается одновременно консонантизма и вокализма: [к], [г], [х] смягчаются в [к'], [г'], [х'], а [ы] переходит в [и].

В новгородских берестяных грамотах ранне-др.-р. периода хорошо сохраняется старое состояние: *акы* 752, *кѣнагыни* 109, *кылинина* 745, *ѡ Тюткы* 904, *ѡ Дьмькы* 892, *Кывеоу* 424, *Кыевѣ* 675, *Кыеве* 524, *с[ѣ]кыроу* 633, *роукы* 9, *Кыишкѣ* 849, *пакы* 227, *ж другѣхо* (ѣ вместо *ы*) 662/684, *кор[о]токыхо* 108, *кнагынине* 601; ср. еще аналогичское *кы* в *Ольскы(нѣ)* 548 (см. Б 92). Также в новоторжских грамотах: *опа[кы]* Торж. 4, *дѣскы* Торж. 13.

Единственное исключение — *пакы ли* 421 (XII₁); но этот пример нельзя признать показательным, поскольку *и* после *к* здесь может быть просто предвосхищением следующего *и*.

Практически такая же картина представлена также и на протяжении XIII в.: *пакы* 510, 295, *оурекуваютса* 600, *дѣцькы[м](ѣ)* 718, *лоньскыхо* 218а, *Ѡ Колокы-а* 410, *с кымо* 775, *послоухы* 924, кроме того, *другы* (*ы* из *ѣь) 482; ср. также *к Ыгнату* 765, *к Ыгначу* 695. Новое написание представлено только в *дѣцькыи* 615 (сер. 40-х — 80-е гг. XIII) — в грамоте, не имеющей никаких новгородских диалектных признаков, т. е., возможно, иногородней (см. В 28).

Самый ранний надежный новгородский пример *ки* на месте прежнего *кы* — *лоньски* 196 (грамота начала XIV в., правда, написанная, возможно, той же рукой, что некоторые грамоты 1270-х гг., в частности, № 218а, где содержится пример *лоньскыхо*). Начиная с этого времени число примеров с *ки, ги* быстро возрастает, и их доля превышает долю примеров с *кы, гы*. С *кы, гы* в XIV в. отмечены: *апкыто* 138, *ѡ Лоукы* 389, *снохы* 263, *сотьс[кы]мѣ* 279, *сухыхо*, *с[ухы](хо)* 258, *корилескы* 266, *въ другы радѣ* 272; XIV/XV — 20-е гг. XV: *с сочкыми* 154, *с кымѣ* 21, *вхыхѣ* 359 (в последних двух примерах *ы* аналогичское). За тот же период (XIV — 20-е гг. XV) с *ки, ги*, бесспорно восходящими к прежним *кы, гы*, встретились: *лоньски* 196, *прикинѣ* 929, *другыи* 288, *другыи* 354, *погибло* 416, 445, *погибли* 361 (2×), 370, *кисело* 403, *Киселеве* 570, *Широки*, *Ѣцерски* 178, *велики* 154, *Ильинскимѣ* 519, *покинулѣ* 469; сюда же *ѡстровскимѣ*, *дубницкимѣ* 928 (30-е — 50-е гг. XV); см. также Г 5 о примере *лонции* 463. Дву-

смысленные примеры, где *ки* в принципе может восходить как к *кы*, так и к *кѣ* (скажем, В. мн. *суки* 20), не приводим. Относительно аналогического *ки* в притяжательных прилагательных с *-ин-* см. § 5.2. Отметим также гиперкорректные написания *Микыфора* 477 (XIV₂), *Микыти* 307 (XV₁).

Таким образом, материал берестяных грамот указывает на то, что переход *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* начинается в др.-новг. диалекте практически лишь с XIV в. Между тем в южнорусском диалекте он начался не позднее XII в. О запоздании этого процесса в новгородском диалекте см. также Соболевский 1907: 130, Шахматов 1915, § 473, Дурново 1924, § 200.

Это запоздание прозрачным образом связано с отсутствием эффекта второй палатализации. В других диалектах в силу второй палатализации сочетания *ки*, *ги*, *хи* отсутствовали (если не считать иноязычных имен), что способствовало занятию этих пустых клеток системы прежними *кы*, *гы*, *хы*. В древненовгородском диалекте, напротив, сохранялись старые *ки*, *ги*, *хи*, т.е. соответствующие клетки не были пустыми. По-видимому, переход *кы*, *гы*, *хы* в *ки*, *ги*, *хи* совершался здесь в основном лишь под влиянием соседних диалектов — и потому с запозданием и непоследовательно.

Отвердение *ш'*, *ж'*

§ 2.54. Недвусмысленных свидетельств отвердения шипящих в берестяных грамотах очень мало. К их числу можно отнести только: *ржы* 310 (1 четв. XV), *в жы(тницю)* 352 (20-е гг. XV). Менее информативны написания *ножь* 750 (XIV₁), *будешь* 358 (сер. XIV), *[д]ержишо (?)* 744 (XIV).

Специально отметим, что для решения вопроса об отвердении [ш'], [ж'], [ц"] ничего не дают написания с *а*, *оу* (*у*) вместо *а*, *ю*. Такие написания (например, *Гюргевицоу*, *кожоухъ*, *шоурина*, *ножа*, *повоица* и т. п.) встречаются во все века, с самого начала письменной эпохи (см. § 1.13, конец). Прямой соотнесенности с твердостью или мягкостью согласной они не имеют. То же верно в отношении написаний с *о* вместо *е* типа *цого*, *чоломъ*, *цоловѣкъ*, *шолкоу*, *жолтого*, *жона* и т. п. Относительно не вполне ясного примера *от[о]ци* 528, где, может быть, косвенно отразилось отвердение аффрикаты, см. Г 50.

Вставное *в*

§ 2.55. В нескольких случаях предлог *у* перед словом, начинающимся с гласной, получает вид *ув* (*оув*); при этом *у* слов, начинающихся с *и*, это *и* переходит в *ы*. Отмечены: *оув Иванка* 102 (сер. XIV), *оув Ивановова* 539 (XIV₂), *оув Бѣвка* 521 (XIV/XV).

В примере *оу Вольфромѣа* 'у Варфоломея' 532 (XII₂) в принципе возможно также разделение *оув Ольфромѣа*; оно поддерживается тем, что во всех прочих примерах данного имени, встретившихся в берестяных грамотах, *в* отсутствует: *Олѣоромеі* 570, *ѿ Олѣоромеа* 391, *Олѣоромѣвица* надп. 27 (Г 12).

В действительности различие, например, между *в* ('*у*') *Олисѣа*, *в* ('*у*') *Ысака* (§ 2.45) и *оув Ольфромѣа*, *оув Иванка* весьма невелико: *у* перед гласной дает либо просто [w], либо [uw]. Но эти [w] и [uw] явно находились в данном случае в отношении свободного варьирования; поэтому скорее всего написания здесь не строго следуют за произношением, т. е. за *в* и за *оув* реально может стоять одно и то же.

Прочие явления

§ 2.56. В нескольких именах представлена замена *φ* на *х* — одно из проявлений адаптации иноязычных имен с необычными для др.-р. языка фонемами: у *Храра* 198 (XIII₂; ср. *Фларь*), *ω* ('от') *Перхуриши* 619 (XIV), *Гахоне* 698 (XIV; см. Г 58), *Хома* (ГВНП, № 342, XV), *Ховра* (ГВНП, № 291, сер. XV); см. также Б 119 о возможной связи прилагательного *Хона* 112 (XIII₁) с *Фома*.

В *с Макхи[мк]ом* 496 (2 четв. XV) отразился переход *с* в *х*, характерный для псковской зоны. Уникальность этого примера, по-видимому, говорит о том, что собственно Новгороду это псковское явление в целом было чуждо.

В *на Лутьянь* 162 (XV), *с Лути(анова села)* 1 (XV) отражен переход *к' > т'*, ср. в грамотах XV в. из ГВНП *Лутьянь* (№ 117, 122, 134), также *скотниѣ* 'скотники' (№ 90). Заметим, что в смоленских берестяных грамотах имеются значительно более ранние примеры: *Оводотие* Смол. 7 (кон. XII), *Оводотѣ* Смол. 10 (XII/XIII).

В *Чупровыхъ* 161 (1 четв. XV), по-видимому, отразилась вторичная замена [к'] на [ц'']: *Чупръ* на месте старого *Кюпръ*, ср. *Чурило* из *Кюрило* (см. Д 20).

Мену [y']/[j] отражают примеры *анело* <аньель>, *ароханело* <аръхан(ь)ель> 715 (XIII), см. В 44. Ср. также случаи, где [j] передан на письме в виде *г*: *погиха(ти)* 266, вероятно, также *мравгици* 273 (см. Г 53). Замена [г'] на [j] отразилась в имени *Гюръги*, которое в XIV в. превращается в *Юръи* (см. § 3.8).

Переход *г* в *в* в окончании *-ого* отразился лишь в одной берестяной грамоте — № 496 (2 четв. XV): *єво*, *д[во]ръно^в*, *ни[ко]є^в*.

О некоторых единичных примерах менее ясного характера см. в комментариях к текстам, в частности: В 27 (*-око* вместо *-ого* в Р. ед. муж.), Г 69 (*ды* вместо *ди* в *хедыле*), Г 28 (*сѣ* в *лососѣ*), Д 38 (*рубѣ* вместо *рубль*).